

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Р У С С К И Й Д Е Т Е К Т И В

а л е к с а н д р

ГОРСКИЙ

ПОЛНОЛУНИЕ

Современный русский детектив

Александр Горский

Полнолуние

«Центрполиграф»

2021

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Полнолуние / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2021 — (Современный русский детектив)

ISBN 978-5-227-09583-1

В отдаленном поселке бесследно исчезает семнадцатилетняя девушка. Конечно, всякое бывает, в семнадцать лет молодым девушкам порой свойственно исчезать, не ставя в известность родителей о своих планах. Вот только год назад в этом же месте пропала еще одна старшеклассница, которая за это время так и не нашлась. И что самое удивительное, оба исчезновения пришлось на время полнолуния... Удастся ли следователю Илье Лунину обнаружить следы хотя бы одной из пропавших? И сколько еще человек погибнет, прежде чем все тайны затерянного в тайге поселка будут раскрыты?..

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09583-1

© Горский А. В., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	30
Глава 5	41
Глава 6	51
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Валерьевич Горский

Полнолуние

Роман

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© А. В. Горский, 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

Глава 1

Зеркало

С каждой минутой за окном становилось все темнее. Еще немного, и бывшее недавно совсем прозрачным стекло окончательно превратится в зеркало. Вернее, в его подобие. Нечеткое, расплывчатое, смазанное. Такое же, как и ее жизнь.

Господи, сколько в голове вопросов. Почему так все вышло? Почему именно с ней? Когда? Когда все это началось? Столько безответных вопросов. Что же получается, она ничего о себе самой не знает? Хотя, нет, кое-что известно. Известно, когда все стало именно таким, как сейчас. Началось-то все гораздо раньше, но тогда все было не так. Вернее, не так все стало сейчас. Вот не прям сейчас, в эту минуту, не сегодня с утра, но совсем недавно. Или давно? Сколько уже прошло? Сто восемьдесят восемь... Нет! Уже сто восемьдесят девять дней!

Она стояла, отрешенно глядя в свое собственное отражение, над которым парили в воздухе мутновато-желтые огоньки люстры. Ее двойник в темном стекле, и без того слабо различимый, вдруг начал терять форму, таять, растворяться в темноте, словно потерявшее силу ночное видение. Вытерев запястьем набежавшие слезы, она закрыла глаза, не желая ни видеть, ни слышать ничего вокруг. На какое-то время ей удалось замкнуться в созданном ею самой невидимом непроницаемом коконе, и от этого вдруг стало легче. Не видеть. Не слышать. Не чувствовать! Не видеть, как над крышей противоположного дома появилась, раздувая щеки от важности, набравшая, наконец, полную силу луна. Не слышать, как щелкнул, открываясь, дверной замок. Не чувствовать, как побелели от напряжения пальцы, сжимающие рукоятку кухонного ножа.

Глава 2

Димкино дерево

Выпустив струю серого дыма в воздух, он придвинул пепельницу ближе к себе и взглянул на расположившихся напротив него мужчин. Похоже, им, одетым в строгие дорогие костюмы, сидеть на открытой веранде было несколько неуютно. Ну а что они хотели? Конец октября, прохладно. Со дня на день, а то и этой ночью может лечь снег, который вряд ли уже растает до конца апреля. Сегодня еще повезло с погодой. Небо чистое, солнце, уже изрядно ослабевшее, все же пытается хоть немного нагреть воздух. Создает, так сказать, видимость активной деятельности. Точь-в-точь как Борискин, зам по тылу. Тот тоже с утра до вечера прямо-таки искрится созидательной энергией, того и гляди лучом перешибет. На что только она вся уходит? Капусту на зиму так заквасили, что ее не то что есть, ее жрать невозможно. Впрочем, в предыдущие годы было ничуть не лучше. И ничего. Сожрали. А что, у зэков есть выбор? Хотя, конечно, есть. Не нравится – не ешь. Так ведь большая часть и не ест, каждый день из жилой зоны полные чаны с баландой на свинарник вывозят. Но это даже неплохо. Можно сказать, хорошо. Экономия. Свиньям, опять же, нравится. А ведь это самое главное. Свинья – она как человек, она комфорт любит. Она в комфорте и вес набирает быстрее, и плодится лучше. Так что, получается, все всем довольны.

Нет, может, какие-то зэки и недовольны. Особенно те, у которых с родственниками туго, ну или у родственников туго с деньгами, чтобы ежемесячно возить многокилограммовые передачи своим непутевым мужьям или сыновьям. Но кого это интересует? Его точно нет. Ведь он кто? Хозяин. Хозяин положения. А хозяин положения – это не тот, кому интересно мнение окружающих. Это тот, чье мнение интересно всем остальным. Не просто интересно. Оно обязательно к исполнению.

Вот как сейчас. Наверняка эти господа с удовольствием продолжили бы разговор в другом месте, там, где теплее и не дует с вершин торчащих на противоположном берегу скал, хоть и не очень сильный, но все же вполне ощутимый холодный октябрьский ветер. Ничего, потерпят. Он решил, что разговор пройдет именно здесь. Не в его служебном кабинете, не в зале ресторана, возле растопленного и пышущего жаром камина. Здесь, на деревянной веранде, с которой открывается замечательный вид на заросшие кедром сопки, где в лицо бьет низкое осеннее солнце, а ветер моментально уносит в сторону сигаретный дым. Здесь. Он так решил. Поскольку хозяин положения он. Да что там, положения. Он здесь просто – Хозяин.

Покосившись на своего спутника, он перевел взгляд на мужчину, сидящего напротив. Человек этот ему не нравился. Не нравился категорически. Слишком уж явно он пытался продемонстрировать свое превосходство. Конечно, в данной ситуации оно у него было, ведь это они обратились к нему за помощью. Но было ли оно столь значительно, чтобы вести себя так вызывающе? Думается, что нет. Во всем остальном, не связанном с решением одной частной, хотя несомненно важной для них задачи, они могли дать этому самоуверенному наглецу сто очков форы. А может, и двести. Хотя, кажется, двести не говорят. Он сделал глоток уже начавшего остывать на холодном воздухе кофе и поморщился.

А ведь и в этом вопросе они могут пойти другим путем. Хотя, возможно, путь окажется чуть дольше, да и расходы на проезд изрядно вырастут. Ладно, если все удастся решить сегодня, то можно и потерпеть. В конце концов, гордость не обязательно выставлять напоказ. Как говорил отец? Терпение для духа настоящего мужчины – это как пламя для стали, оно не разрушает, оно делает дух еще крепче. Закаляет его. Отец – воистину мудрый мужчина, да ниспошлет ему Аллах много лет жизни. Он умеет так сказать, чтобы все не просто поняли, но

и восхитились красотой сказанных слов. Но главное ведь не в словах, не в их красоте и даже не в смысле. Главное – в том, что за каждым словом у отца всегда стоит дело, и одно с другим никогда не расходится. Говорят, что и этот, сидящий сейчас напротив, человек словами не разбрасывается и, дав обещание, всегда его выполняет. Вот только проблема в том, что никакого обещания он пока давать не хочет. Хотя, кажется, есть еще одна проблема. Эта девица, которая даже не пытается делать вид, что ее не интересует их разговор. Поразительная наглость. Усесться буквально за соседним столом, уставиться прямо в их сторону и сидеть с мрачным, окаменевшим лицом, таким, будто она поняла весь смысл сказанных, более того, даже не произнесенных ими слов. Кто же она такая? Сотрудница? Чья? Их собеседника или, быть может, другого ведомства? Не может быть, для этого она слишком молода. Или нет? Сейчас ничего понять невозможно. Шестнадцатилетние девицы, накрашившись, выглядят так, словно им уже под тридцать, а тридцатилетние тетки через одну пытаются изобразить из себя малолеток. Конечно, тридцати ей точно быть не может, а вот года двадцать три – двадцать четыре запросто. Точно не угадаешь. Но стоит ли гадать?

– Кто это?

Мужчина напротив небрежным движением загасил окурок в пепельнице и медленно, с явной ленцой обернулся.

* * *

Она бросила рюкзак на соседний стул, уселась сама, вытянув под столом ноги. Кроме нее на веранде сидели еще трое мужчин. Двое явно неместные, городские. Оба в строгих темных костюмах, вот только у одного рубашка белая, на которой яркой полоской выделяется бордовый галстук, у другого же рубашка серая. Галстук тоже серый, но на тон темнее. Этот второй, похоже, из них двоих главный. Во всяком случае, когда он говорит, его напарник едва заметно кивает в такт каждой фразе, а глаза совершают непрерывное движение – то на мужчину в сером галстуке, то на мужчину напротив, у которого галстука нет вовсе. Конечно, с ее места лицо этого третьего увидеть невозможно, но ей этого и не требуется. К тому же в этот самый момент сидящий к ней спиной мужчина вдруг решил обернуться. Скользнув по ней холодным, ничего не выражающим взглядом, он, не сказав ни слова, вновь повернулся к своим собеседникам. Ну что же, все ясно. Больше задерживаться здесь не имеет никакого смысла. Придется все отложить на потом. Правда, когда именно наступит это «потом», она точно не знала. Ближайшие несколько часов она будет занята. Так что, скорее всего, только вечером. Точно. Вечером ей никто не помешает.

– Мало ли кто, – мужчина в форменном болотного цвета джемпере снисходительно улыбнулся, – если вас так смущает ее присутствие, мы можем отложить наш разговор. Года на три, лучше четыре. К тому времени уже ничье внимание ни мне, ни вам помешать не сможет.

Его собеседник нервно поправил и без того идеально затянутый темно-серый галстук и, повернув голову влево, бросил короткую фразу.

– Говорите по-русски, – нахмурился мужчина в джемпере, – или будем считать разговор законченным.

– Извините, – пухлые губы растянулись в белозубой улыбке, – попросил Рината заняться машиной. Одно колесо подпускает, кажется.

Коротко кивнув, Ринат быстро вскочил на ноги, еще раз кивнул, на этот раз сидящему напротив, и молча вышел из-за стола. Мужчина в болотном джемпере вновь обернулся, глядя вслед быстро шагающему к выходу Ринату. На широкой, обтянутой темной тканью пиджака спине отчетливо выделялись полосы наплечной кобуры. «Он что, с оружием сюда притащился? Ну не идиот ли? Вот как с такими дело иметь?» Сбежав вниз по ступеням, Ринат исчез из вида.

Несколько мгновений спустя хлопнула, закрываясь, дверь внедорожника, и почти сразу запустился двигатель. «Интересно, однако, он колеса осматривает». Автомобиль не было видно, но, судя по реву мотора и тому, как скрипнули, пробуксовывая, колеса, он сорвался с места так, словно управлявший им человек вообразил себя участником гонки Париж-Дакар. Хотя, может быть, он вообразил себе нечто совсем другое. Взгляд скользнул по пустому залу. Сидевшая за соседним столом девица в черной бейсболке и широких, на пол-лица, солнцезащитных очках куда-то исчезла. Взглянув на украшавшие запястье левой руки массивные часы с двуглавым орлом на циферблате, мужчина чему-то улыбнулся, а затем вновь повернулся к терпеливо ожидающему продолжения разговора собеседнику.

– Мне кажется, мы не договоримся.

– Темп. Ты слишком взвинчиваешь темп, не даешь музыке раскрыться. Дай нотам звучать! Вот послушай.

Пальцы мягко, словно в нерешительности, коснулись клавиш, руки на мгновение замерли, затем плавно скользнули вправо, подбираясь к более высоким нотам. Алина закрыла глаза. Ей уже давно не надо было смотреть на то, как играет Анна Андреевна, достаточно было только слушать. Слушать и слышать. Слышать, как нота за нотой, прикосновение за прикосновением возникает и наполняет собой все пространство вокруг музыка – самое удивительное изобретение человечества. Такое, на первый взгляд, бесполезное то, что невозможно ни съесть, ни надеть на себя, чем нельзя расплатиться или хотя бы обменять на что-то более осязаемое. Но разве наслаждение нужно на что-то менять? Разве можно? А ведь когда звучала музыка, не тот ужас, что заполняет собой хит-парады на радиостанциях, а настоящая, вот такая, как сейчас, она испытывала именно наслаждение. Закрывать глаза, чтобы не видеть ничего вокруг. Ни отошедшего от стены уголка обоев, ни свежей царапины на руке Анны Андреевны, оставленной любителем выпускать коготки Мавриком, ни висящей под потолком люстры, в которой из пяти лампочек горят только четыре. Ничего. Потому что во всем остальном, в отличие от звучащих из старенького пианино звуков, не было ни красоты, ни гармонии, ни изящества. Хотя, конечно, Анна Андреевна красивая женщина. Для своего возраста. Сколько ей уже? Кажется, двадцать девять? Через полгода, в апреле будет тридцать. Тридцать! Ужасное число. Каково это – пересекать тридцатилетний рубеж, понимать, что кончилась, если и не вся жизнь, то уж точно молодость? Даже не хочется об этом думать.

Зазвучавшая из динамика смартфона «Шутка» Баха бесцеремонно оборвала «Весну» Вивальди.

– Да. – Голос Анны Андреевны показался Алине неестественно напряженным. – Сейчас? Но ты же знаешь, я занята... Не сможешь? Хорошо, я перезвоню.

Следующую фразу музыкального преподавателя она смогла предсказать почти дословно.

– Алиночка! Что, если сегодня мы закончим немного пораньше?

Немного? Немного – это, должно быть, означает прямо сейчас, а с учетом того, что длящееся обычно полтора часа занятие началось всего пятнадцать минут назад, это совсем не немного. Но почему бы и нет? Раз уж Анна Андреевна просит. В конце концов, она – единственная из взрослых, с которой общаться действительно приятно. Ну, конечно, кроме отца.

– Запросто, – Алина кивнула, делая вид, что совершенно не замечает розового румянца, стремительно растекающегося по щекам Анны Андреевны, – погода хорошая сегодня, пойду к реке прогуляюсь. Хоть до следующих занятий подышу немного.

– У вас же сейчас каникулы.

Судя по тому, как изящные пальцы забегали по экрану смартфона, Анна Андреевна решила не перезванивать, а отправила сообщение. Адресата Алина не знала, но ей и не было особо интересно. Какой-нибудь офицер из штаба, усатый майор, может, даже подполковник, жене которого уже перевалило за сорок, и наверняка за столько же перевалила на весах отметка

лишнего веса. Ну а кто еще позарится на пусть и не растерявшую еще остатки красоты, но все же уже немолодую женщину? Лейтенанты? Нет, тем подавай молоденьких, лет двадцать пять максимум. А лучше, чтобы двадцать. Или вообще, восемнадцать. Наверное, им хотелось бы и кого помоложе, но ведь помоложе нельзя. Статья. Плохая статья, по которой можно получить хороший срок. А уж про штабную карьеру точно забыть можно. Да и про любую другую тоже.

– Меня папа так загрузил, что я только от одного репетитора к другому бегаю. Сегодня вечером еще немецкий.

– Удивительно! Как ты все успеваешь? – Лицо Анны Андреевны выражало крайнюю степень заинтересованности, но отнюдь не ответом ее ученицы, а только что высветившимся на экране смартфона сообщением. – Ну ничего, зато поступать легче будет.

Судя по ее жизнерадостной интонации, задерживаться в квартире педагога явно не стоило. Натянув на ноги высокие, на толстой рифленой подошве походные ботинки и накинув пуховик, Алина повернула дверную защелку.

– Хорошего вам вечера, Анна Андреевна!

– И тебе, Алиночка! До понедельника.

Выходя за дверь, девушка успела заметить, как на лице провожающей ее Анны Андреевны пятна смущения, изначально розовые, окончательно налились красным, и теперь казалось, будто щеки ей натерли свеклой или спелой вишней.

Немного постояв на крыльце в нерешительности, Алина решила все же не отказываться от первой пришедшей ей в голову мысли и на самом деле прогуляться к реке, благо дом Анны Андреевны располагался почти на самой окраине поселка. Еще два точно таких же одноэтажных, с красными крышами коттеджа на две семьи, и все – цивилизация (если только их поселок можно считать цивилизацией) кончилась. Гигантские, в несколько десятков метров высотой сосны устремлялись ввысь уже в нескольких метрах от забора последнего дома. Подлеска промеж тянущихся к небу великанов почти не было, а потому войти в лес можно было где угодно, не обременяя себя поиском протоптанных троп. И все же тропы эти были. Людям свойственно идти либо кратчайшим маршрутом, если конечная точка известна заранее, либо тем путем, которым уже прошли до них, отчего-то полагая, что те, которые прошли раньше, наверняка знали, куда стоит идти. В лучшем случае оба варианта совпадали. Вот как сейчас.

Легко сбежав по ступенькам крыльца, девушка обернулась. Ей показалось, что где-то в нескольких метрах от нее хрустнула ветка, раздавленная чьей-то тяжелой ногой. Мгновение спустя на ее лице появилась улыбка. В птичью кормушку, свисающую с ветки растущей в палисаднике молодой березы, забралась белка. Разогнав синиц, воробьев и прочую мелюзгу, она по-хозяйски устроилась внутри миниатюрного деревянного домика и теперь, не обращая внимания на возмущенное птичье чириканье, неторопливо расправлялась с семенами подсолнуха. Алина несколько раз поцокала языком, но белка, увлеченная едой, не обратила на ее усилия никакого внимания. Махнув рукой, девушка широким шагом направилась в сторону леса.

Сделав всего несколько шагов, Алина почувствовала, что в тени, под кронами гигантских деревьев, температура воздуха на несколько градусов ниже, чем на открытом пространстве. Сняв утепленную осеннюю бейсболку, она развернула пришитые по бокам вставки, защищающие уши, и вновь натянула головной убор.

Толстые подошвы мягко, почти бесшумно касались земли, усыпанной густым слоем опавших иголок. Последний раз дождь шел три дня назад, но здесь, в лесу, все еще стоял тот ни с чем не сравнимый запах, который человек, лишенный фантазии или пребывающий в плохом настроении, назвал бы запахом сырости, а человек, склонный к мечтательности, непременно окрестил бы осенней свежестью. Запах мокрой коры, запах земли, впитавшей в себя дождевые потоки, запах не улетевших на юг птиц и мечущихся по деревьям в поисках припасов на зиму белок. Запах леса. Впрочем, лесом эту узкую полосу деревьев назвать можно было с большой натяжкой.

Пройдя чуть больше ста метров, Алина вышла к обрывистому берегу, над которым нависала кряжистая вековая сосна, ствол которой на высоте примерно десяти метров разделялся натрое. Отчего так произошло, никто в поселке не знал, слишком давно произошло это весьма незначительное даже по местным меркам событие, которое, скорее всего, было последствием удара молнии. А быть может, ураганный ветер, порой случающийся в здешних местах в середине весны, обломал макушку еще молодого дерева, но не изуродовал его, а, наоборот, придал удивительную, своеобразную красоту, которой не могли похвастать остальные растущие поблизости сосны, прямые и скучные, как вязальные спицы. Было у этой красоты еще и практическое предназначение, о котором, конечно же, тогда, много лет назад, не мог догадаться ни ветер, каким бы могучим и суровым он ни был, ни молнии, с какой бы силой и яростью ни били в кроны деревьев. Предназначение это было понято жителями поселка уже давно, задолго до появления Алины на свет. Кто-то из мальчишек, наверняка самый отчаянный, забрался на развилку сосны и закрепил к нависающей над обрывом толстой ветви веревку. К другому концу веревки, располагавшемуся приблизительно в полутора метрах над землей, была привязана палка, ухватившись за которую и поджав ноги можно было раскачиваться прямо над скалистым обрывом, уходящим вертикально вниз на добрых два десятка метров. Там, внизу, с силой билась о камни река, взлетали в воздух холодные брызги, а иногда, в солнечные дни, после полудня можно было увидеть радугу, да не простую, а целое радужное покрывало, накрывавшее торчащие из воды серые валуны. Покрывало это было необыкновенно красивым, вот только не особо прочным. Во всяком случае, оно не смогло удержать двенадцатилетнего Димку Ефимова, попытавшегося побить никем не превзойденный рекорд по времени раскачивания на тарзанке, установленный его же собственным старшим братом, уже успевшим к тому времени отслужить в армии, жениться и изрядно прибавить в весе. Димкины руки соскользнули с перекладины, когда стрелка секундомера уже пошла на четвертый круг, а до рекорда, установленного более десяти лет назад, оставалось продержаться всего восемнадцать секунд. «Три пятнадцать, три шестнадцать», – хором выкрикивали столпившиеся на обрыве пацаны, старший из которых крепко сжимал в руках отцовский секундомер. «Три семнадцать», – уже никто не крикнул. Вместо этого над рекой пронесся нестройный, полный испуганного изумления возглас, а затем толпа разделилась. Большая часть помчалась вдоль берега, к тропе, по которой можно спуститься вниз, к воде, туда, где в мириадах искрящихся на солнце брызг исчезло Димкино тело. Остальные, более пугливые и осторожные, поспешили вернуться в поселок и убежать по домам, чтобы потом, спустя некоторое время, изумленно охвать, услышав страшную новость: Димка разбился насмерть.

После этой трагедии, случившейся еще в середине восьмидесятых, тарзанку незамедлительно срезали, а многих из толпившихся в тот день на берегу малолетних болельщиков нещадно выпороли. Димкин брат, тот самый, чей рекорд так и остался непревзойденным, пырвался даже срубить злосчастную сосну, но, ко всеобщему удивлению, отец не позволил ему этого сделать.

– Пусть стоит. – Он выхватил уже занесенный было топор из рук старшего сына и, прочитав в его глазах немой вопрос, объяснил: – Пока стоит, люди помнят будут. Димку помнить.

Он оказался прав. Ту историю, всякий раз с новыми подробностями и неизменными нравоучительными комментариями, рассказывали каждому подрастающему в поселке мальчугану, а расщепленную, раскинувшую над обрывом могучие ветви сосну так и прозвали – Димкино дерево. На следующее лето возле сосны установили скамью – основательную, с высокой спинкой и массивными подлокотниками. Димкин отец частенько сидел на ней летними вечерами, глядя на солнце, медленно сползающее за макушки сосен, растущих на другом берегу реки. Там, на берегу, мужчина оставался один на один со своими воспоминаниями и своей любовью к погибшему сыну. Жена его с ним вместе так ни разу и не пришла, но вовсе не потому, что ее любовь и ее горе были слабее.

Спустя тридцать с лишним лет скамья все еще стояла на высоком берегу реки, всего в нескольких метрах от обрыва. Возможно, это была уже другая скамья, Алина точно не знала. Сама она жила в поселке не так давно, всего несколько лет, тянувшихся, как ей казалось, невероятно медленно и уныло. К счастью, оставалось потерпеть еще немного. Ноябрь, затем три ужасно холодных зимних месяца, потом три чуть более теплых весенних. А в июне, пусть и в самом конце, уже после сдачи всех экзаменов, но все равно в июне, она уже уедет. Уедет, чтобы никогда больше не возвращаться.

К лавочке над обрывом она приходила довольно часто, но вовсе не из-за того, что грустила о каком-то давным-давно сорвавшемся в пропасть мальчишке, и даже не потому, что любила побыть в тишине и одиночестве, хотя благодаря стараниям отца такая возможность у нее появлялась реже, чем ей хотелось бы.

Сидя здесь, над рекой, она могла не видеть поселка с его идеально выметенными улицами, свежескрашенными фасадами домов, аккуратными цветниками летом и расчищенными от снега тротуарами зимой, не видеть людей, с мая по октябрь одетых в одинаковые черные брюки и спецовки, а в остальное время года – в такие же однотипные черные или темно-синие телогрейки с пришитыми нагрудными знаками, или, как их все называли, бирками. У большинства это прямоугольный кусок ткани, у некоторых пластика или отшлифованной деревяшки, на котором, как правило, краской выведены фамилия, имя и номер отряда. Людей этих на улицах было не так уж и много, кроме того, они всегда старались держаться максимально незаметно, не привлекая к себе излишнего внимания, а выполнив свою работу, так же незаметно исчезали, и ближе к вечеру, после пяти встретить их где-либо было фактически невозможно. И все же Алина всегда чувствовала их, пусть даже незримое, присутствие, словно бы от этих людей пахло не так, как от остальных жителей поселка, и запах этот не улетучивался с улиц даже в самые ветреные дни.

Удобно устроившись на широкой скамье, Алина некоторое время занималась нехитрыми вычислениями, подсчитывая, сколько дней ей осталось провести в поселке, затем, убедившись, что полученный результат на единицу меньше вчерашнего, удовлетворенно улыбнулась и переключилась на еще более приятное занятие.

Мечты! Мечтать о будущем – что может быть более естественным для молодой девушки, которой, как и многим ее ровесницам, настоящее кажется серым и безрадостным? Вот только, в отличие от многих, она не теряет время даром, а делает все от нее зависящее, чтобы это унылое настоящее как можно скорее ушло в прошлое. Двести тридцать восемь! Через двести тридцать восемь дней она отсюда уедет. Навсегда!

На высоком берегу шум бьющейся о камни воды был еле слышен. Точнее, он был бы слышен, если бы Алина не закрыла уши пришитыми к утепленной бейсболке накладками. С ними было гораздо теплее. А еще тише. Настолько тихо, что казалось, весь мир вокруг замер, а быть может, и вовсе куда-то исчез, растворившись в этой безмятежной тишине. Алина зажмурилась, защищаясь от солнца, которое, ненадолго спрятавшись за невесть откуда появившимся на небосводе облачком, вновь выпрыгнуло из своего убежища, ослепив ей глаза. Секундой позже ей стало ясно, что защищаться надо было отнюдь не от солнца, а спустя еще несколько мгновений пришло понимание, что спастись от затянувшейся на шее петли она уже не сможет.

Теряя сознание, она успела пожалеть о том, что так и не успела ничего сказать отцу. Затем в наступившей черноте яркими огненными всполохами проступили три гигантские цифры. Два, три и восемь. Охвативший их огонь постоянно менял цвет от белого к желтому, затем небесно-голубому и обратно. Жара от длинных, почти касающихся лица языков пламени Алина почему-то не ощущала, да и само пламя, только что яростно сыплющее по сторонам искрами, вдруг начало стремительно затухать, а затем и вовсе исчезло. Вместе с ним исчезли и цифры, в которых воплотились все ее мечты и надежды. Нет, конечно же, они оставались,

они не могли сгореть полностью за столь короткое время. Но разве можно в крошечной тьме разглядеть угольно-черные головешки?

Глава 3

Пашкины носки

Лунин смирился. Осознание того, что ничего уже не вернуть, пришло не сразу. Понимание, что ничего изменить тоже не получится, появилось гораздо позже, приблизительно месяц спустя. Невозможно вернуть Светочку, чей портрет в траурном обрамлении теперь висел на стене приемной генерала Хованского, невозможно изменить отношение к нему, Лунину, самого генерала. В принципе, ничего удивительного. Пристегнуть начальника областного следственного комитета наручниками и оставить сидеть в запертой машине, откуда его потом извлек подъехавший примерно через полчаса наряд полиции¹, – одного только этого вполне достаточно, чтобы распрощаться с должностью следователя по особо важным делам, да и вообще с не так давно полученными подполковничьими погонами. А ведь было что-то еще... Ах да, Изотов. Хотя, думается, Хованского меньше всего интересовало разбитое в кровь лицо полковника. Ну а что здесь такого? Один его подчиненный набил морду другому. С кем не бывает? Конечно, они вроде как офицеры. Даже не вроде как, а точно офицеры, старшие офицеры, если начать вдаваться в детали. Но ведь дуэли уже давно ушли в прошлое, да и в тот момент было не до бросания в лицо перчатки, тем более что и перчатки никакой у Ильи не было. А если уж говорить совсем откровенно, то Изотов сам нарвался на неприятности, не надо было вести себя так по-хамски. И Хованский это прекрасно понимает. Да, эпизод с Изотовым можно было бы полностью вычеркнуть из памяти, если бы не эти злосчастные наручники, будь они неладны. Ведь генерала Хованского Лунин пристегнул именно к Изотову, так что они теперь навсегда в памяти всех сотрудников не только следственного комитета, но и областного управления внутренних дел останутся двумя частями единого целого. Как там в песне, «скованные одной цепью»? Как раз тот самый случай. Черт бы побрал того умника, успевшего втихаря сделать фотографии прикованных друг к другу горемык.

Пытаясь отвлечься от неприятных воспоминаний, Илья щелкнул клавишей компьютерной мыши и уставился на заголовки открытого новостного портала. К его разочарованию, ничего интересного в мире за выходные не произошло. Человечество по-прежнему предпринимало вялые и пока безуспешные попытки справиться с появившимся почти год назад вирусом, бушевавшим, к удивлению Лунина, почти во всех странах мира, кроме Китая, где эта пока непобедимая зараза, собственно, и появилась на свет. Америка готовилась к предстоящим со дня на день президентским выборам, не зная, какой из двух старцев, задиристый или любящий вздремнуть в прямом эфире, ей больше нравится, а Европа в очередной раз не понимала, что делать с заполонившими ее мигрантами, напоминая престарелую и растерянную хозяйку дома, в котором перебравшие с алкоголем и закусками гости заняли все комнаты, включая туалет и ванную, оставив свободным лишь коврик перед дверью. Заголовки, посвященные внутренним новостям, выглядели более позитивно, хотя и не всегда однозначно. «Правительство улучшило оценку падения экономики в третьем квартале». Илья в задумчивости причмокнул губами, пытаясь понять, означает ли это, что экономика будет падать лучше, быстрее или же этот процесс в третьем квартале будет происходить как-то по-особенному, с неким, несвойственным ранее, изяществом. Лунин уже собирался было открыть статью, но пронзительная трель стоящего на столе телефона внутренней связи не позволила ему удовлетворить собственное любопытство.

¹ О захватывающем и весьма драматичном расследовании Ильи Лунина, в результате которого он напрочь испортил отношения с генералом Хованским, можно прочесть в романе «Охота на Лунина». (Здесь и далее примеч. авт.)

Закончив короткий, состоящий всего из двух фраз разговор, Илья вернул трубку на место и с сожалением взглянул на монитор. Что поделаться, надо идти. Хотя, что уж тут расстраиваться? Скорее всего, ни с заголовком, ни с экономикой за время его отсутствия ничего не случится.

Пройдя по длинному коридору, Илья распахнул дверь приемной и, стараясь не смотреть ни на портрет Светочки, ни на сидящую за столом и что-то печатающую на компьютере женщину, буркнул: «Он меня ждет» – и тотчас исчез в недрах кабинета начальника областного следственного комитета. Стремительно мелькающие над клавиатурой женские пальцы на несколько мгновений приостановили свой полет, но, как только дверь в кабинет Хованского захлопнулась, работа над текстом возобновилась с еще большей скоростью.

– Лунин, – Дмитрий Романович пристально рассматривал застывшего на пороге подчиненного, – пришел, значит.

В генеральском голосе явственно слышалось разочарование. На мгновение Илье даже показалось, что Хованский надеялся прождать его, Лунина, до самого вечера, а затем, так и не дождавшись, с чистой совестью подписать приказ на увольнение за невыполнение прямого распоряжения руководителя.

– Вы же меня звали, Дмитрий Романович, – неуверенно улыбнувшись, напомнил Илья.

– Звал? – делано изумился Хованский. – Ах да, звал. Я, значит, позвал, и ты пришел.

– Именно, – еще более неуверенно кивнул Лунин.

– Изумительно!

На лице Хованского застыла странная гримаса. Как показалось Илье, именно так выглядела его собственная физиономия во время прошлогоднего визита к стоматологу. Смесь боли и отвращения.

– Образцовый сотрудник! Даешь ему распоряжение, он сразу же выполняет. Все бы такие были! Да, Лунин?

– Дмитрий Романович, может, не надо? – тихо попросил Илья, видя, что хозяин кабинета намеревается выплеснуть на него все накопленные с начала сентября негативные эмоции.

– Не надо? – Изумление Хованского достигло наивысшей возможной точки, а затем подпрыгнуло еще куда-то вверх. – Почему не надо, Лунин? Или ты думаешь, что, если все станут такими, как ты, тогда я точно сойду с ума? Или меня insult тыпнет прямо посреди кабинета? Тебе какой вариант больше нравится, Лунин? Или лучше совместить оба сразу?

– Я, может, пойду, Дмитрий Романович?

Илья тяжело переминался с ноги на ногу, глядя на покрасневшее лицо генерал-майора. Услышав реплику подчиненного, Хованский на мгновение замер, словно делающий стойку охотничий сеттер, но отчего-то не стал бросаться в новую атаку, а лишь сделал вялый, приглашающий жест рукой.

– Садись, раз пришел. Говорить будем. Вернее, я говорить, а ты слушать. Усек?

– Так точно, – вздохнул Лунин, из соображений безопасности усаживаясь подальше от хозяина кабинета.

– «Так точно», – передразнил его Дмитрий Романович. – Значит, слушай меня внимательно. У нас в области есть такой поселок – Нерыбь. Слышал?

Илья отрицательно покачал головой.

– Плохо, – цокнул языком Хованский, – у тебя там, между прочим, полно знакомых.

– Это кто же? – Лунин никак не мог понять, о чем речь.

– Ты что, Лунин, забыл, где «пятерка» находится? Хороший следователь должен знать, где отдыхают его подопечные.

– Точно, – поняв, о чем речь, Илья не удержался и громко шелкнул пальцами, – совсем из головы вылетело.

– Что-то у тебя то с дисциплиной проблемы, то с памятью. Так ведь и до неполного соответствия докатиться можно, – не упустил своего Хованский. – Ладно, теперь по существу. То, что в поселке Нерыбь находится ИК-5, мы вспомнили. Начальник колонии, если ты не в курсе, полковник Кноль Аркадий Викторович. Знаешь такого?

На всякий случай Лунин кивнул, хотя фамилию начальника пятой исправительной колонии слышал впервые в жизни.

– Вижу, что не знаешь, – фыркнул Хованский. – Впрочем, тебе и не обязательно, ты, ежели что, в другое место поедешь.

После очередной безответной колкости в адрес подчиненного настроение генерала немного улучшилось, что сразу же сказалось на его манере общения.

– Итак, слушай внимательно. У Кноля есть дочка. Семнадцать лет, учится в одиннадцатом классе. В прошлую пятницу она пропала. Сам понимаешь, папаша поднял в ружье весь поселок, прошерстил все вокруг, но никто ничего так и не нашел. Ни самой девицы, ни каких-либо ее следов. Вернее, собаки вроде как сперва взяли след, потом потеряли, в общем, без толку. Вариантов, сам понимаешь, может быть много. Девочка могла уйти в тайгу и заблудиться или ногу подвернуть, а могла и вовсе собраться и втихаря от папаши рвануть куда подальше. В семнадцать лет девицы еще не такие кренделя выкидывают. Вон, у Локоткова дочка, слышал, как учудила? Еще школу не окончила, а сама уже на пятом месяце. И кто ей ребеночка подсу-ропил, не признается. Молчит как партизанка.

Илья вновь молча кивнул.

– Вот все всё знают, – всплеснул руками Хованский. – Откуда, мне интересно? Господи, одни балаболы кругом. Не умеют люди язык за зубами держать, совсем не умеют. Вот скажи мне, ты от кого это услышал?

Немного замешкавшись с ответом, Илья наконец выдал из себя правдивый ответ:

– От вас.

– От меня? – Хованский возмущенно подпрыгнул в кресле. – Когда?

– Вы же только что мне все рассказали, – еще больше смутился Лунин.

На несколько мгновений в кабинете воцарилось напряженное молчание.

– Продолжаем разговор, – взял себя в руки Дмитрий Романович. – Итак, вариантов много, в том числе вовсе не криминальные. По большому счету, тут и дело заводить пока повода нет особого, а уж мы бы в него никогда не полезли, если бы не одно обстоятельство.

Хованский вновь замолчал, но на этот раз пауза в разговоре была вызвана некоторой любовью генерала к театральности и его желанием подчеркнуть важность следующей фразы.

– Примерно год назад, в октябре прошлого года, в поселке пропала и так потом не нашлась еще одна девочка. Они с Кноль ровесницы, учились в параллельных классах.

– То есть ей тогда было шестнадцать, – уточнил Лунин.

– Шестнадцать, – согласился Хованский, – но это не главное. Вся штука в том, что она пропала четырнадцатого октября. Улавливаешь?

– Пока не очень.

– Поначалу никто не уловил. А потом мать той девочки прибежала к участковому и ткнула его в календарь носом. Или он сам носом ткнулся. Точно не знаю, но вроде от участкового вся эта тема и поплыла.

– Так ведь даты не совпадают, – Илья зажмурился, пытаясь вспомнить, какое на календаре число, – прошлая пятница, это ведь, кажется, тридцатое было.

– Тридцатое, – вновь согласился Дмитрий Романович, – только это все не то. Речь ведь не про простой календарь идет. Лунный календарь, Илюша! Лунный!

Илья вздрогнул от неожиданности. Впервые за последние полтора месяца Хованский, пусть и случайно, увлекшись разговором, но все же назвал его не по фамилии.

– Четырнадцатого октября прошлого года было полнолуние, а в этом году оно, представь себе, пришлось как раз на тридцатое. И оба раза пропали молодые девушки. Ты, Лунин, чувствуешь, чем это пахнет?

– Может, совпадение?

– Нет, совпадением здесь не пахнет, – Хованский хищно оскалил зубы, – я тебе так скажу: здесь вообще ничем не пахнет. Здесь воняет! Воняет всем тем дерьмом, в которое ты так любишь вляпываться.

– Вот зачем вы? – Новая вспышка Хованского окончательно выбила Илью из колеи.

– Любишь, Лунин, еще как любишь, – лицо начальника областного управления вновь начало стремительно багроветь, – причем взаимно. Тебе же эти странные... не люди, даже не знаю, как их назвать лучше... существа! Эти существа тебе звонят, письма пишут, ты с ними на свидания по ночам бегаешь.

– Дмитрий Романович!

– Ах да, прости! Не только по ночам. – Генерал вскочил на ноги, вероятно, для того, чтобы, хотя бы стоя, оказаться выше сидящего за столом почти двухметрового следователя. – В общем, так, завтра с утра выдвигаешься в Нерыбь. Неделя тебе, чтобы разобраться, что к чему. Документы на командировку получишь у секретаря.

– Так, а что я там делать буду? – попытался было отказаться Лунин. – Мы ведь оперативно-разыскными не занимаемся.

– Надо же! – Ехидно ухмыльнувшись, Дмитрий Романович изобразил полуприсед, широко разводя руки в стороны. – Следователь Лунин вспомнил, чем должны заниматься следователи. Вернее, чем они не должны заниматься. Это хорошо, это вселяет надежду, что ты встал, так сказать, на путь исправления. Осталось по нему пойти, причем желательно, в правильном направлении.

Шумно выдохнув, Хованский вновь уселся в кресло и продолжил уже спокойнее:

– Возглавишь следственно-оперативную группу. От областного УВД поедет твой дружок – Зубарев. Раз уж вы с ним не разлей вода, так пусть от этого какая-то польза будет. От района пара оперов уже на месте работают, во всяком случае, сегодня должны были выехать. Ну и участковый. Думаю, для начала тебе хватит. Если все не так страшно, как кажется, вернешься раньше. Если все еще хуже, звони, решим вопрос по усилению. Все ясно?

– Так точно. – Илья встал, не имея желания задерживаться в генеральском кабинете дольше необходимого.

– Так точно. – Генерал с сомнением покачал головой. – Главное, помни, вы туда не в тыл врага высаживаетесь. Ты, Лунин, не диверсант, ты следователь следственного комитета и действовать должен в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом, а не как левая нога зачесалась. А даже если зачесется, ты позвони! Позвони мне, и мы решим, что у тебя чешется, почему и как нам с этой бедой бороться. Договорились?

– Хорошо, Дмитрий Романович.

Лунин надеялся, что ответ прозвучал достаточно убедительно, но, судя по брошенному напоследок взгляду Хованского, уверенности в голосе ему не хватило.

Вернувшись в кабинет, Илья созвонился с Зубаревым. Как оказалось, Вадим только что получил приказ о командировке и теперь, пользуясь тем, что деятельность оперативников не была жестко привязана к рабочему кабинету, уже направлялся к выходу из здания областного управления внутренних дел.

– Надо до отъезда успеть поработать с агентурной сетью, – весело сообщил он Лунину. – Мы, кстати, на чем в эту глушь поедем? Но сразу говорю, на моей лучше не рисковать.

– Это с чего же? – возмутился Илья, мгновенно представив предстоящие долгие хождения в бухгалтерию, с целью компенсации потраченных на поездку денежных средств.

– У меня резина, – снисходительно пояснил Вадим.

– У всех резина, – буркнул не собирающийся сдаваться Лунин.

– Но разная! Во-первых, она у меня летняя, а во-вторых, лысая. На ней по городу ездить страшно, а тащиться куда-то за пятьсот километров вообще не вариант. К тому же ты прогноз слышал?

– И что там? – Илья со злостью ткнул по левой клавише мыши и перешел на вкладку прогноза погоды.

– Ничего хорошего. Вечером мокрый снег, ночью подморозит, утром, сам понимаешь, гололед может быть. Да и потом, мы же не на один день едем, а зима, она близко. Так что на моей никак не вариант.

– А в шиномонтаж не судьба заехать?

– Не судьба, – печально вздохнул Зубарев, – я же говорю, мне еще с агентурой встречаться надо.

– А что, есть данные о предстоящем налете на городскую библиотеку? – Илья, прекрасно осведомленный об очередном романе любвеобильного оперативника, возмущенно фыркнул, но, судя по всему, упрямство Зубарева сломить было уже невозможно.

– Вот и узнаю, – невозмутимо отозвался Вадим, которого возмущение приятеля, похоже, начинало забавлять, – и ты зря, Илюха, недооцениваешь богатства, хранящиеся в стенах столь славного государственного учреждения.

– Ага, кладезь знаний, – смирился с поражением Лунин, – хорошо, завтра в семь за тобой заеду.

– Зачем в семь? – заволновался Зубарев. – Можно и в девять. Ну, в восемь самое раннее.

– В семь, Вадик. В семь. Не проспай, – сухо бросил в ответ Илья и тут же прервал разговор.

Не успел он убрать мобильник в карман, как внезапно ожил молчавший большую часть дня городской телефон. Илья раздраженно схватил трубку.

– Лунин, слушаю.

– Илья Олегович, день добрый, – послышался в трубке хриловатый, немного насмешливый голос, – по поводу вашего племянника беспокою.

– Какого племянника? – опешил Лунин. – Вы вообще кто?

– Ах да, не представился. ОП-3 беспокоит, дежурный. У нас тут паренек один, говорит, ваш племянник. Во всяком случае, визитка ваша у него имеется.

– Паренек, значит. – Вздохнув, Илья задумчиво потер подбородок, после чего уточнил: – Имя у паренька есть?

– Говорит, Пашка, – отозвался дежурный, – а там, кто его знает, документов-то при нем нет никаких.

– И чего он натворил, этот Пашка?

Дежурный неторопливо откашлялся, затем произнес с той многозначительной интонацией, которая сразу же позволяет собеседнику догадаться о необходимости извлечь из кармана кошелек, а из кошелька как минимум одну, а желательно несколько купюр, украшенных изображением моста через реку Амур:

– Да что уж так общаться, заочно? Вы, Илья Олегович, подъезжайте лучше, на месте решим.

– Что, по телефону никак не получится?

– Слушай, Лунин, – голос дежурного неожиданно изменился, вернее, как полагал Илья, он стал таким, каким обычно и был, – я ведь мог и не звонить. Кроме имени, папан ничего не говорит. Кто он, что, мы не знаем. Я его сейчас отправлю в спецприемник для малолеток, его официально регистрируют, и тогда все. Оттуда доставать сложнее будет.

– Сейчас приеду, минут через двадцать, – нахмурившись, буркнул Лунин, – нет, через полчаса.

– Я на смене, мне спешить некуда, – благодушно отозвался дежурный.

Полчаса спустя, поднявшись по ступеням отдела полиции, Илья постучал в пуленепробиваемое стекло, отделяющее дежурную часть от унылого тамбура, со стенами, выкрашенными бежевой масляной краской, двумя обшарпанными деревянными лавками и одинокой покосившейся партой, над которой склонилась пытающаяся заполнить бланк заявления невысокая женщина средних лет с дрожащими руками и заплаканным, осунувшимся лицом.

То, как устроены отделы полиции, во всяком случае, та их часть, которая может оказаться доступна обычному заявителю, Илье всегда казалось странным. Еще будучи студентом-старшекурсником юридического института и проходя следственную практику, он пришел к мысли, что тем, кто занимается организацией работы отделов полиции, стоило бы поучиться у владельцев супермаркетов. В первую очередь тому, как разделять те потоки, которым пересекаться вовсе не стоило. Вот взять, к примеру, овощи. Или замороженное мясо. Или и то и другое одновременно. Бывает же такое, что две машины вместе подъехали и встали под разгрузку. Коробки с мясом вынимают из кузова и несут в морозильную камеру, ящики и мешки с картошкой тоже несут в камеру, только в другую – холодильную. Никому и в голову не придет тащить все это безобразие через вход для покупателей и торговый зал. В отделе полиции, в отличие от отдела овощного, картошкой, конечно же, не торгуют, но бывает, что в него доставляют таких фруктов, находящихся порой в состоянии абсолютных овощей, что обычным, мирным, гражданам видеть этих субъектов категорически неприятно и даже боязно. Казалось бы, что сложного – организовать доставку этих «грузов» хоть и не в морозильную, но все же камеру с черного хода? Но ни руководству доблестной российской милиции, ни еще более мудрым руководителям пришедшей ей на смену полиции такая мысль в голову не приходит, а если вдруг у кого и появляется, вот как у Лунина, то, скорее всего, этот человек не имеет полномочий, чтобы инициировать хоть какие-то изменения, поскольку те, кто такие полномочия имеют, стараются не забивать голову ненужными мыслями.

Вторая странность, по мнению Ильи, еще более несуразная, чем первая, была в самой организации пространства для посетителей, вернее, в полном отсутствии как организации, так и самого этого пространства как такового. Зайдя в отдел полиции, люди, как правило, уже оказавшиеся в сложной жизненной ситуации и решившие обратиться за помощью, попадали в тесный тамбур, через который периодически проходили входящие и выходящие из здания сотрудники полиции, оглушительно хлопала входная дверь, после чего, особенно в зимнее время, тянуло сквозняком, а лицо автоматчика, караулящего запертую железную дверь непосредственно в сам отдел, отбивало всякую охоту обращаться к нему за какими-либо разъяснениями по поводу заполнения бланков заявлений о совершенном преступлении. Конечно, следуя установленным правилам, обращаться к караульному вовсе не полагалось. Для этого существовал дежурный, который вместе с помощником и располагался за толстым пуленепробиваемым стеклом, надежно защищенный им как от самих назойливых посетителей, так и от их проблем, с которыми они, явно не от самого большого ума, решили притащиться к и без того перегруженным заботами полицейским. Для разговора с дежурным следовало воспользоваться переговорным устройством, которое периодически выходило из строя, и тогда приходилось говорить громко, почти кричать, наклонившись к полукрытому выдвижному ящику для подачи документов. Но и в том случае, если устройство работало исправно, приходилось рассказывать о своих бедах в полный голос на глазах и, если так можно выразиться, «на ушах» всех остальных собравшихся в тамбуре и ждущих того момента, когда их наконец соизволят пропустить внутрь. Хорошо, если вас просто обокрали. Как говорится, с кем не бывает. А если, к примеру, вас изнасиловали? Или насилию подвергся ваш несовершеннолетний ребенок? А быть может, ваше дитячко исчезло в неизвестном направлении, и вы, после бессонной ночи, проведенной с телефоном в одной руке и упаковкой валидола в другой, пытаетесь объяснить раздраженному, постоянно отвлекающемуся мужчине за стеклом, что у вас в семье царит мир и гармония, и раз ребенок не выходит на связь уже почти сутки, то необходимо срочно начи-

нать его розыск. В общем, чертовски неприятная процедура, которую, конечно же, давно пора сделать более человеческой. Взять, к примеру, те же многофункциональные центры, в которых иногда, представьте себе, бывают и полицейские. Там граждане, включая ненадолго примкнувших к ним стражей порядка, коротают время в достаточно комфортных условиях, при желании могут воспользоваться кулером или автоматом, продающим кофе и всякую съедобную мелочовку, а когда приходит их очередь, общаются с оператором лицом к лицу, при этом заявление и все прочие необходимые документы выводит на печать сам оператор. Возможно, когда-нибудь такой порядок воцарится и в отделениях полиции. Возможно, хотя...

Хотя, судя по всему, не скоро, подумал Лунин, еще раз, теперь сильнее, постучав по стеклу костяшками пальцев. Когда дежурный, невысокий майор с бледным отечным лицом, наконец повернулся к назойливому посетителю, уже собираясь поставить его на место, Илья быстро приложил к стеклу развернутое удостоверение.

– А, Лунин, – майор снисходительно усмехнулся, – ну проходи, поболтаем.

– Я переписала.

Илья почувствовал, как что-то коснулось его левого локтя. Повернув голову, он увидел ту самую женщину с заплаканным лицом, которая заполняла бланк заявления. Теперь она стояла, прижавшись лбом к грязному стеклу, сжимая обеими руками лист бумаги, заполненный неровными, разбегающимися во все стороны буквами.

– Вы видите, я с человеком разговариваю? – рявкнул на нее дежурный. – Или вы что, думаете, если вы с мужем кухню не поделили, здесь все должны свои дела бросить? Врубить сирену и помчаться ваши неприятности разруливать?

– Я уже ничего не думаю, – еле слышно отозвалась женщина.

– Не думает она. – Майор осуждающе покачал головой и взглянул на Лунина, явно рассчитывая на понимание со стороны следователя: – Вот такие у нас здесь целый день и ходят, недумаящие. У меня к концу смены из-за них у самого мозг отказывает. Ты чего стоишь-то? Проходи, небось, пацан уже заждался. А вы, мадам, обождите, за пять минут ничего с вами не случится.

Пройдя за железную дверь, отделяющую отдел полиции от всего остального мира, Илья тут же нос к носу столкнулся с майором, уже успевшим покинуть дежурную комнату.

– Ну, здорово, дядя, – крепко стиснув Илье руку, майор вновь ухмыльнулся, – боевой у тебя племянничек, скажу я, растет. Такого шороху навел, земля дрожала.

– А если конкретнее? – Прислонившись плечом к стене, Лунин обхватил обеими руками толстую кожаную папку для документов и прижал ее к животу, словно пытаясь защититься от чрезмерно напористого полицейского.

– Да что там конкретного... В соседнем квартале во дворе пацаны в футбол играли, ну а твой вроде как мимо шел. Там уж неизвестно, случайно али нарочно кто, мячом ему прямо в голову зарядили. Ну он, недолго думая, мячик на дорогу и выпнул под колеса грузовику. Ну а дальше, сам понимаешь, что началось. Как говорится, слово за слово, мордой по столу.

– Сильно ему досталось? – забеспокоился Илья.

– Кому? Пацану твоему? Да считай, как новенький, костяшки только на пальцах посшибал. Он двоих, как я понял, на месте вырубил – и бежать.

– К вам? – удивился Илья.

– Ага, сдаваться. – Дежурный подмигнул Илье, давая понять, что оценил юмор. – Уж не знаю, куда он рванул, да только рядом нарисовался папаша одного из этих футболистов. Физкультурник, мать его. Оказывается, каждый день круги по району мотает, десять километров, не меньше. Бывает же такое, что людям заняться нечем! Вот этот физкультурник племяша твоего и догнал. Пытался его назад во двор притащить, уж не знаю зачем, может, думал второй раунд боев организовать, только малой, не будь дурак, ухватился за соседнее дерево, да так вцепился, что его патруль еле отодрал. Ну чисто мартышка!

– А патруль кто, папаша вызвал?

– Не, патруль случайно мимо проезжал, – майор лениво махнул рукой, – вот гражданин им твоего Тайсона и передал с рук на руки. Вернее, не с рук, а с дерева. Попросил разобраться, что у нас за молодежь такая подрастает.

– А вы все дела и бросили, разбираться стали. – Теперь уже Илья усмехнулся стоящему перед ним майору. – Я так понимаю, заявления никакого нет, и в журнал регистрации вы пацана не вносили. Все верно?

– Верно, – угрюмо кивнул дежурный.

– Тогда чего мы теряем время? – Илья постарался улыбнуться как можно дружелюбнее. – Ведите мальчишку, я здесь подожду.

– А ведь я мог и не звонить, – разочарованно вздохнул майор. – Сам знаешь, для нас дядя – это не шибко родственник. Ежели все по закону делать, родители нужны. Ну или доверенность.

– Держи свою доверенность, – Илья расстегнул молнию на папке, – вечером ознакомись.

– Еще ведь ребята с патруля подъедут, – привычным движением руки полицейский спрятал плоскую коньячную флягу куда-то за отворот кителя, – а их трое. И у меня помощник.

– Сколько вас, – подумав, Илья извлек из папки и передал майору вторую пол-литровую флягу, – на страже порядка.

– А ты думал, – благодушное настроение вновь вернулось к дежурному, – город может спать спокойно. Жди здесь, сейчас пацана приведу.

Сделав несколько шагов по коридору, майор исчез за дверью одного из кабинетов, а Илья так и остался стоять, прислонившись к стене и сжимая значительно потерявшую в весе кожаную папку. Меньше чем через минуту дверь вновь распахнулась. Первым в коридор вышел Пашка. Илья успел заметить брошенный в его сторону виноватый взгляд, а затем лицо мальчишки приняло абсолютно невозмутимый вид.

– Забирай, Лунин, своего племянничка, – провозгласил вышедший следом из кабинета майор, – и объясни ему дома как следует, что бить людей – это не вариант, а если уж бьешь, то убегать надо как следует, чтоб не поймали.

– Больше не поймают, – буркнул Пашка, останавливаясь примерно в метре от Лунина.

– Я вижу, деятельное раскаяние нас так и переполняет, – оторвавшись наконец от стены, Илья сделал шаг навстречу мальчишке и положил руку ему на плечо, – поехали, по дороге пообщаемся.

Кивнув напоследок дежурному, Лунин распахнул железную дверь, ведущую в тамбур для посетителей. Пашка тут же прошмыгнул вперед и, не задерживаясь в тесном, и без того заполненном людьми помещении, выскочил на улицу. Илья поспешил вслед за ним, опасаясь, что новоявленный «родственник» может исчезнуть так же внезапно, как и появился. Пробираясь к выходу, Лунин, к своему удивлению, успел заметить, что пытавшейся подать заявление женщины у стекла с надписью «Дежурная часть» уже нет. Оглядевшись по сторонам и не увидев знакомого лица, Илья вышел на улицу. Пашка никуда не думал убегать, он стоял в нескольких метрах от крыльца, сунув руки в карманы и сильно ссутулившись, как маленький старичок, на плечи которого с каждой минутой все сильнее давит тяжесть прожитой жизни. Удивительно было, как этот щуплый мальчишка смог одолеть в драке сразу двоих, да еще так, что остальные посчитали лучшим вариантом не вмешиваться и остаться сторонними зрителями.

– Ты женщину здесь не видел?

– Никого я не видел. – Пашка исподлобья взглянул на Лунина и неожиданно жалобно попросил: – Давай уедем скорее!

– Уедем, – кивнул Илья, нажимая кнопку на пульте сигнализации, – садись в машину, я сейчас подойду.

На стоящую у крыльца переполненную урну взгляд Лунина упал совершенно случайно, вовсе не из-за избытка способностей к дедуктивному методу мышления, да и мышлению как таковому. Скомканный лист бумаги, еще не присыпанный окурками сигарет и шелухой съеденных семечек, лежал на самом верху, словно кем-то неудачно слепленный и уже начавший расплзаться снежок, который еще немного, и совсем потеряет свою первоначальную форму. Наклонившись к урне, Илья достал листок и аккуратно развернул его. Так и есть. Оно. Заявление. Написанная неровным, дрожащим почерком просьба о помощи, которая так и не дошла до адресата, потому что адресат ушел вместе с ним, Луниным, в надежде получить вознаграждение за свой телефонный звонок. И пусть его не было на месте всего несколько минут, и пусть в это время в дежурной части все время находился его помощник, короткой, произнесенной равнодушно-презрительным тоном фразы: «Обождите, за пять минут ничего с вами не случится» хватило, чтобы эта уже перенесенная на бумагу, но так и не прочитанная просьба оказалась выброшенной в грязную, переполненную урну, а сама неудавшаяся заявительница растворилась в безостановочной суете городских улиц.

– Я сейчас!

Помахав рукой Пашке, наблюдавшему за ним с переднего пассажирского сиденья «хайлендера», Лунин вновь потянул на себя входную дверь ОП-3. Подождав несколько минут, он смог наконец пробраться к переговорному устройству и обратить на себя внимание дежурного.

– Опять ты? – удивился майор. – У тебя что, новые родственники объявились?

– Примерно, – кивнул Илья, просовывая в выдвижной ящик смятое заявление. – Зарегистрируй.

– Это что у нас? – Дежурный несколько мгновений изучал попавший ему в руки лист бумаги, затем решительно вернул его обратно в ящик.

– Ты что, Лунин, с луны свалился? Как я тебе его зарегистрирую? Где заявитель? Нет заявителя! А нет заявителя, нет и заявления.

– Ты же ее сам видел, – возмутился Илья, – и бланк по форме заполнен. Тебе чего еще надо? Упираешься, словно сам его отрабатывать будешь.

– Сам не сам, это дело десятое, – в голосе дежурного вдруг зазвучала несвойственная ему до этого твердость, – парням тоже этой ерундой заниматься некогда. Ты что, думаешь, я ее не знаю? Она за последние полгода уже третий раз приходит и всегда, представляешь, в мою смену попадает.

– И что? Вы за полгода ничего сделать не могли?

– И то, Лунин! Нечего там делать! Два раза к ней выезжали. Нормальный у нее муж, адекватный, прошлый раз, помню, так он вообще трезвый оказался. Понимаешь ты это, трезвый!

– А трезвый он, значит, ее не мог избивать? – Ногтем мизинца Илья провел по пуленепробиваемому стеклу, словно проверяя его на прочность.

– Господи, какие вы в следкоме все, – выматерившись про себя, майор с трудом подобрал подходящее слово, – нудные. Ты синяки у нее на лице видел? Нет? Так и никто их не видел. Нет их! И на теле нет, мы ее прошлый раз на медосмотр отправляли. Выдумала все! Истеричка она. Мужик у нее весной работу потерял, вот она ему нервы и мотает. И нам заодно.

– Можно же так бить, что и следов не останется.

– А ты, я смотрю, знаток, – раздраженно фыркнул майор, – ты племяша тогда своего поучи, чтоб от него следов не оставалось. А то он еще кому портрет попортит и поедет в специнтернат. Представляешь, что будет, если начальство твое узнает? Все, Лунин, не мешай, имей совесть. Посмотри, ты мне очередь какую собрал, а я ведь только кофе попить собирался.

«Совесть», – пробормотал Илья, забирая из ящика заявление незнакомой ему женщины. «Совесть», – вновь пробубнил он себе под нос, выходя на крыльцо и пряча смятый лист бумаги в карман. «Совесть – товар дефицитный, на всех не хватает», – подумал Лунин, устраиваясь на водительском сиденье «хайлендера».

- Что, поедем перекусим? – повернулся он к уже заскучавшему Пашке.
- Давно пора, – одобрил идею мальчуган, – а то я с самого утра не емши.

Последние несколько месяцев Илья старался избегать больших скоплений людей. Сам себя он уверял, что делает это вовсе не по причине того, что боится заразиться непонятной болезнью, лекарство от которой так пока и не смогли изобрести, а потому, что не хочет расстраивать и пугать маму, которая наверняка будет чрезмерно переживать, если с ним что-либо случится. На самом деле его образ жизни почти не изменился. Большую часть дня он проводил в своем ставшем за долгие годы таким привычным кабинете на третьем этаже здания следственного комитета, а по вечерам совершал долгие полутора-, а то и двухчасовые прогулки по парку в компании с Рокси, не торопясь возвратиться в пустую квартиру, как правило, к их возвращению уже успевшую погрузиться в тягучие и липкие вечерние сумерки, из объятий которых затем не помогал вырваться даже включенный телевизор с огромным экраном и еще большего размера напористой жизнерадостностью ведущих, уверенных в том, что главное в жизни – это никуда не переключаться во время рекламы.

Фактически Лунину пришлось отказаться только от одной привычки, да и то, слово «отказаться» в данном случае явно было чрезмерным, хотя Илья иногда и употреблял его во внутренних диалогах с самим собой, чтобы показать, опять же самому себе, наличие у себя же самого силы воли, позволяющей отказываться от каких-то привычек. Привычка эта была достаточно безобидной, хотя, несомненно, препятствовала постоянно ведущейся, правда без особого энтузиазма, борьбе Лунина с лишним весом. Периодически, один, чаще два раза в неделю, Илья под благовидным предлогом покидал несомненно любимое им, но все же изрядно надоевшее место работы и направлялся в ближайший «Макдоналдс» для того, чтобы, расположившись за одним из столиков в глубине зала, расправиться с парочкой тройных чизбургеров, бигмаком, изрядно политой кетчупом порцией картофеля фри и распробованными им совсем недавно сырными палочками, которые так замечательно сочетались с ледяной, пышущей пузырьками углекислого газа кока-колой. Неторопливо расправляясь с тем, что по какому-то странному, на взгляд Ильи, недоразумению называлось фастфудом, он вовсе не опасался быть замеченным кем-либо из своих коллег за этим занятием, хотя и вполне безобидным, но все же не совсем соответствующим дню недели и времени на часах. Как рассудил Лунин, напрягший всю мощь имеющихся у него способностей к логическому мышлению, в его пользу играли сразу два обстоятельства. Во-первых, было очевидно, что любой человек, появившийся в зале, пропитанном мгновенно вызывающими зверский аппетит ароматами, пришел туда с той же целью, что и сам Лунин, а значит, вряд ли бы незамедлительно кинулся докладывать начальнику управления генералу Хованскому, чем в рабочее время занимается один из его следователей по особо важным делам. Ну а во-вторых, и этим своим наблюдением Илья особенно гордился, почти все сотрудники следственного комитета, решив перекусить в рабочее время, делали это в заведениях, расположенных хотя бы в паре кварталов от места работы, напоминая своим поведением лису, которая не таскает птиц из ближайших к ее логову курятников.

«И вот от всего этого мне пришлось отказаться», – мысленно вздохнул Лунин, увидев показавшийся за перекрестком такую знакомую, мгновенно пробуждающую чувство голода вывеску.

Конечно же, Илья понимал, что несколько преувеличивает масштаб принесенной им жертвы. Отказался он вовсе не «от всего», а лишь от возможности один-два раза в неделю посидеть минут пятнадцать-двадцать в обычно наполненном студентами и старшекласниками зале. От всего остального – чизбургеров, картошки фри, сырных палочек и, конечно же, бигмака Лунин никогда не отказывался и отказываться не собирался.

- Ваш заказ, приятного аппетита!

Передав пакеты Пашке, Илья закрыл окно, и «хайлендер» плавно отъехал от окна выдачи МакАвто. Вырулив на парковку, Лунин нашел свободное место и встал так, чтобы иметь воз-

можность смотреть на автомобили, пронсящиеся мимо них по центральному городскому проспекту.

– Вот что мне с тобой делать? – Илья задумчиво разглядывал уже открытую коробочку с аппетитным бигмаком.

– Съешь его, – заботливо посоветовал уже энергично работающий челюстями Пашка.

– Вообще-то я с тобой разговариваю, – Илья повернул голову к сидящему на соседнем сиденье мальчугану, – ты каждую неделю во что-нибудь вляпываешься. Мне даже интересно, как ты раньше выкручивался. Без меня.

– Никак, – Пашка равнодушно пожал плечами, – говорил, что я интернатовский, – за мной воспитатель приезжал. А там поорут малость, ну, максимум подзатыльника дать могут. Мне же одиннадцать лет только. Кто мне что сделает?

– В полиции, может, и не сделают, – неуверенно отозвался Лунин, – а вот на улице голову за твои выкрутасы отбить могут. Скажи-ка мне лучше, ты что там, двоих в нокаут отправил?

– Уж прям так и нокаут, – беззаботно фыркнул Пашка, приступая ко второму чизбургеру, – но легли оба – это точно.

– И как ты так ухитрился?

– Так ведь камнем, дело нехитрое.

– Ты что, – опешил Лунин, – их булыжником по голове лупил? А если б зашиб насмерть?

– Уж прям булыжником, – буркнул Пашка, доставая руку из правого кармана куртки, – вот, смотри.

Илья с недоумением уставился на небольшой продолговатый голыш, лежащий на тонкой мальчишеской ладони.

– Зажмешь покрепче и бьешь по носу, так, чтоб крови побольше было, и все, – деловито объяснил Пашка, – обычно одного раза хватает.

– Глубокие у тебя познания, – пробормотал Лунин.

Он хотел было заставить Пашку выкинуть камень в окно, но затем решил, что делать этого не имеет смысла. Пацан при первой же возможности обзаведется новым подручным средством, и хорошо, если это будет относительно безобидный голыш, лишь немного утяжеляющий силу удара.

– Я завтра уеду. – Илья постарался придать своему голосу родительской строгости, хотя не был уверен, что у него это получится. – На неделю точно, может так получиться, что дольше. Ты можешь пообещать мне...

– Не убежать? – искоса взглянул на него Пашка.

– Хотя бы ни во что не вляпываться.

– Я-то могу. – Пашка торопливо запищал в рот остатки чизбургера. – А если они сами?

– Что – сами? – вздохнул Лунин.

– Неприятности, – прочавкал Пашка. – Вот идешь ты, никого не трогаешь, а они сами на тебя сваливаются. Вот как сегодня.

– Значит, сегодня это они сами в тебя вляпались, – Илья вздохнул, один за другим перебирая и отбрасывая не подходящие, по его мнению, варианты, – а я так сразу и не понял.

– Теперь-то понял? – уточнил Пашка, и на лице его появилась довольная улыбка сытого, даже немного объевшегося человека.

– Теперь понял, – решительно кивнул Лунин.

Вариант, на котором он остановился, ему самому не очень нравился, но все остальные, уже отвергнутые, устраивали его еще меньше.

Двадцать минут спустя белый «хайлендер» остановился у подъезда старого пятиэтажного дома. Код домофона Илье был известен, так что еще две минуты спустя он стоял у двери одной из квартир третьего этажа. Возможно, стоило предварительно договориться о встрече по телефону, но в силу ряда причин Лунину показалось, что делать этого не стоит. Прежде всего,

разговор мог не сложиться, или сложиться таким образом, что приезжать и звонить в дверь уже не будет иметь никакого смысла. Да и потом, предварительно звонят, как правило, для того, чтобы убедиться, что хозяин на месте и что потом, проведя время в дороге, не придется топтаться с глупым выражением лица перед запертой дверью. В данном же случае Илья был уверен – хозяин квартиры обязательно будет дома. А где же ему еще быть с заживающей, но так еще окончательно не зажившей после перелома ногой? Вернее, ей.

Перед тем как открыть дверь, Ирина посмотрела в дверной глазок, поэтому радости от того, что кто-то ее решил навестить, на ее лице видно не было. Как и две недели назад, во время прошлого, не продлившегося и пары минут визита Лунина, ее левая нога от кончиков пальцев и почти до самого колена была укутана в прочный гипсовый кокон.

– Лунин, ты тут откуда? – В голосе звучало больше раздражения, чем любопытства.

– Оттуда. – Илья махнул головой в сторону лестничного марша и, чувствуя, что его визит может закончиться так толком и не начавшись, потянул за рукав Пашку, переминавшегося с ноги на ногу у него за спиной. – Мы к тебе. По делу.

Ребенок – это всегда козырь. Особенно если он не орет благим матом, заставляя содрогаться барабанные перепонки. Особенно если он невысокого роста и тонкий, как молодая осинковая ветка. Особенно если у него огромные, полные неприкрытого детского любопытства глаза, с длиннющими густыми ресницами, способными вызвать зависть у любой, проводящей изрядную часть жизни в общении с зеркалом женщины. Даже если эта женщина почти полтора месяца провела на больничной кровати, а теперь вынуждена передвигаться по квартире на костылях.

Конечно, Пашке было уже одиннадцать, и он не мог вызвать того умиления, которое невольно испытываешь при виде годовалого карапуза, делающего свои первые шаги, или кудрявого трехлетнего малыша, тоненьким голосочком задающего столь немислимо-прекрасные в своем наивном неведении вопросы, что невольно хочется плакать и смеяться одновременно. И все же это был козырь. Откуда у Лунина в голове появились мысли о карточной колоде, он и сам не мог бы ответить. Туз – карапуз, шкет – валет. Илья улыбнулся пришедшей в голову незамысловатой рифме.

– Здравствуйте, – мальчуган задрал голову, внимательно разглядывая стоящую в дверях Ирину, а затем, совсем по-взрослому, протянул ей руку, – через порог, правда, не здороваются.

Не сдержав улыбки, Ирина отступила назад, позволяя неожиданным гостям пройти в квартиру, и тоже протянула Пашке руку. «Да уж, это тот еще валет. Перед таким ни одна дама не устоит». – Илья тоже было улыбнулся, но, вовремя заметив обращенный на него взгляд Ирины, вновь принял подобающий случаю серьезный вид.

– Знакомьтесь, это, значит, у нас Павел, а это Ирина Владимировна. – Илья протиснулся в квартиру вслед за Пашкой и, наклонившись к уху Ирины, прошептал: – Надо поговорить.

– Надо так надо, – пожалала она в ответ плечами. – Павлик, ты снимай куртку, разувайся и проходи в комнату, посмотри пока телевизор, а ты, Лунин, – за мной на кухню. Да! Разуться тоже не забудь.

Стянув ботинки, Илья взглянул на застывшего неподвижно Пашку.

– Ты чего замер? Не стесняйся.

– У меня носки дырявые, – прошептал неожиданно покрасневший Пашка, – оба.

– Это нормально, – попытался подбодрить его Лунин, – не совсем, конечно, но так часто бывает, во всяком случае, у мужиков. Поверь мне.

Когда Пашка наконец разулся, Илья взглянул на его ноги и тут же переменял свое мнение.

– Да уж, это больше дырки, чем носки. Ладно, топай в комнату, разберемся.

Когда мальчуган скрылся в гостиной, Илья поднял с пола ботинок и перевернул к себе подошвой. Кое-как разглядев полустертые цифры, он вернул ботинок на место, после чего направился на кухню, где его уже ждала Ирина.

– Итак, Лунин, чем обязана?

Ирина заняла табурет, стоящий между столом и входом на кухню. Ее вытянутая загипсованная нога и прислоненные к столу костыли не давали Илье возможности пробраться ко второй, стоящей ближе к окну, табуретке, поэтому он был вынужден разговаривать стоя, прислонившись плечом к равномерно гудящему холодильнику.

– У тебя размер какой? – Илья сразу перешел к делу, но, заметив возмущенный взгляд хозяйки квартиры, поспешил уточнить: – Ноги.

– Тридцать шестой, – на мгновение растерялась Ирина и тут же запоздало спохватилась с вопросом: – Тебе зачем?

– Великовато немного, но пойдет, – буркнул Лунин, разглядывая прилепленные к холодильнику магнетики. – Носки мне нужны, точнее, не мне, Пашке. У него, оказывается, не носки, а одно название. Дырка на дырке.

– То есть вы за носками ко мне приехали, – кивнула Ирина. – Я правильно понимаю?

– Неправильно, – вздохнул Илья, – приехали мы по другому вопросу. А про носки я только сейчас узнал. Так что, поделишься? Только, если можно, чтоб не розовые, а то его потом засмеют.

– Лунин, это что за пацан? – любопытствовала Ирина. – Ты его вообще где нашел?

– Ну как сказать, – Илья задумчиво потер подбородок, – примерно там же, где и тебя.

– А поконкретнее?

– Конкретнее, в Плесе. Помнишь, я тебе рассказывал, что там на пристани меня мальчишка встречал? Вот это Пашка и есть. Он же потом, через неделю где-то, пришел ко мне, документы принес, удостоверение. Очень, знаешь ли, кстати. Я и так двадцать объяснительных написал, а если бы еще и утеря служебного удостоверения была, меня бы точно сгнобили.

– И ты теперь ему чрезмерно признателен, – негодуяще фыркнула Ирина, – а то, что он помогал этому... этому, – она запнулась, подбирая подходящее слово, – чудовищу, это для тебя не важно.

– Никому он не помогал, – Лунин ощутил нарастающее раздражение, – у него тоже особого выбора не было. А вот документы он точно мог мне не возвращать. Тебе если носки жалко, так и скажи.

– Дам я ему носки, – Ирина устало махнула рукой, – дам, успокойся. Ты ведь не из-за носков его ко мне притащил. Рассказывай, что еще.

– Тут такое дело, – Илья приободрился, почувствовав перемену в настроении собеседницы, – мы с этим пацаном малость подружились.

– А малость – это как? – Ирина прищурилась, испытующе глядя на нависающего над нею Лунина. – И родители его вообще в курсе вашей дружбы? Судя по всему, про носки они точно не знают.

– С родителями у него небольшая нестыковка вышла, – Илья причмокнул губами, разглядывая стоящую на плите кастрюлю, из-под закрытой крышки которой до него отчетливо доносился аромат свежесваренного супа, скорее всего, борща, – в общем, детдомовский он. Хороший пацан, смысленный. Привычка у него только одна есть дурная – он каждый день после занятий из своего этого интерната убегает и шляется по городу до самой ночи.

– После? – недоверчиво переспросила Ирина.

– Именно, после, – кивнул Илья. – Я даже узнавал, он неплохо учится. Учиться ему вроде как даже нравится. Его потом, все остальное, не устраивает.

– Все остальное?

– Он не особо вдавался в подробности, а я сильно и не настаивал. – Илья пожал плечами. – Не всем нравится коллективное сосуществование. А там, сама понимаешь, без этого никуда.

– И зачем ты его ко мне привел? Ведь я не психолог. Да и потом, ему сколько уже лет? Десять? Одиннадцать? Его уже вряд ли переделаешь.

– Не переделаешь, – со вздохом согласился Лунин, отводя взгляд от наполняющей кухню аппетитными запахами кастрюли. – Скажи, а тебе продукты кто носит, служба доставки?

Когда несколько минут спустя Илья вошел в гостиную, Пашка, удобно устроившись на диване, методично, с интервалом несколько секунд, нажимал кнопки на пульте, пытаясь одновременно просматривать последний турнир по боям без правил на одном канале и одну из серий «Парка юрского периода» на другом.

– На, держи, – протянул ему руку Лунин.

– Я что, пони? – Пашка разложил полученные носки на коленях. – У меня всего две ноги.

– Ничего, запасные будут, – усевшись на диван, Илья отобрал у мальчишки пульт, – переодевай. Только шустрее, пока Ирина Владимировна не пришла.

– А эти куда девать? – Пашка потряс перед носом Лунина дырявыми кусочками материи.

– Давай сюда. – Услышав ритмичное постукивание костылей, Илья торопливо закинул Пашкины носки в карман кителя.

– Я вам не помешаю?

Остановившись в дверях, Ирина улыбнулась, и Лунин поразился, насколько сильно изменилось выражение ее лица с того момента, когда они общались на кухне. Теперь это было не недовольное лицо женщины, к которой непонятно зачем пришел мужчина, которого она вовсе не горит желанием видеть. Это было лицо гостеприимной хозяйки, счастливой от того, что кто-то решил скрасить ее одиночество, и горящей желанием угодить хоть и неожиданным, но все же таким приятным гостям.

– Чайник я поставила. Илья, придвигай стол к дивану, а Павел пойдет со мной на кухню, принесет чашки.

– А к чаю мы ничего и не купили, – спохватился Лунин.

Брошенный в его сторону быстрый, оставшийся не замеченным Пашкой взгляд, дал понять Илье, что это отнюдь не самое главное его упущение.

Когда два часа спустя Лунин подвез Пашку к воротам интерната, в городе уже царил вечерний полумрак, сквозь который то тут, то там тщетно пытались пробиться все новые шеренги загорающихся городских огней. День, по мнению Лунина, сложился весьма удачно, во всяком случае, визит к Шестаковой превзошел все его самые смелые ожидания. Пашка, будучи от природы человеком отзывчивым, согласился каждый день после школы приезжать к Ирине, чтобы на часок-другой скрашивать ее одиночество, а заодно, в случае необходимости, ходить в магазин за продуктами и помогать по хозяйству.

– А что, я и полы помыть могу, и картошку почистить, – отрекламировал себя мальчуган.

– Завидный жених растет, – рассмеялась Шестакова. – Ты не бойся, я тебя работой перегружать сильно не буду. Обещаю!

– Вот еще, женщин бояться, – фыркнул Пашка и отчего-то моментально покраснел.

Теперь он сидел на пассажирском сиденье «хайлендера», не торопясь выходить из прогретой машины.

– Что, возвращаться не хочется? – положив руку Пашке на макушку, Илья взъерошил ему волосы. – Опять ругать будут?

– Это мелочи, – невозмутимо отозвался Пашка, – я привык уже. Ты мне скажи лучше, тебе эта Ирина Владимировна как, сильно нравится, или так, очки набираешь?

– Вот сейчас не понял, – нахмурился Лунин. – Очки – это как?

– Ну вот у нас пацаны забьются, к примеру, кого первого девчонка поцелует, и давай к ней подкатывать. Она, может, эта девчонка, и не нравится никому из них. Не то чтоб совсем не нравится, но так, ночами не снится. Но ведь уже забились, теперь куда деваться, очки набирать надо. А как у кого что сростется, так сразу на другую мажут. Спорят, значит.

– Я понял, – кивнул Илья. – А что, девчонки разве не знают, что к ним на спор «подкапывают»?

– Почему не знают? Знают, конечно. Тому, кто чаще других выигрывает, ему каждый следующий раз вроде как все труднее выходит, потому что все про него знают, что он это на спор делает, а с другой стороны, проще.

– Это как? – удивился Лунин.

– А так! Он же самый крутой. А любая девчонка с самым крутым парнем быть хочет. Они же все надеются, что это со спора только начинается, а потом она его так поцелует, что он обо всех спорах забудет и только на нее смотреть будет. А ему держаться надо, если он не хочет, чтобы его другой обогнал, ну, тот, который на втором месте идет. – Пашка не по возрасту тяжело вздохнул и заключил глубокомысленно: – Непростое это дело – очки набирать.

– Это точно, – согласился Лунин, а затем осторожно поинтересовался: – И как, ты уже много очков набрал?

– Я еще не играю, – признался Пашка, – присматриваюсь пока.

– Знаешь, ты не спеши с этим делом, а лучше вообще не лезь, – посоветовал Лунин, торопливо пытаясь понять, что можно ответить на вполне закономерный вопрос «Почему?».

– Это с чего же? – уставился на него Пашка.

– С того, – недовольно буркнул Лунин, злясь на собственное неумение объяснить то, что, по его мнению, казалось очевидным. – На вот тебе денег немного, и будем разбегаться, а то тебя уже скоро искать начнут.

– До ужина не начнут, – легкомысленно отозвался Пашка, протягивая руку к зажатым в кулаке купюрам.

– погоди-ка. – Илья переложил деньги в другую руку и ткнул пальцем в ячейку для мелочи рядом с рычагом переключения скорости. – Достань отсюда монетку. Не все разом, одну!

Пашка послушно достал из ячейки небольшую тускло поблескивающую монетку.

– Что там?

– Два рубля, – хмуро ответил Пашка, которому крайне не понравилось то, что бывшие уже такими близкими купюры куда-то исчезли, – на мороженое не хватит.

– Верно, – согласился Лунин, – возьми еще. Что там, десюнчик? Видишь, уже лучше. Давай дальше.

Окончательно помрачневший Пашка достал еще одну монету.

– Пятак, – презрительно бросил он, сжимая добытую мелочь в маленьком кулачке.

– Там еще что-то есть, – усмехнулся Лунин. – Возьмешь или лучше сразу тысячу?

– Чего спрашивать? – Пашка разом повеселел и протянул Илье раскрытую ладонь.

– Держи, – положив ему на ладонь купюру, Илья осторожно сжал мальчишеские пальцы. – Теперь понял?

– Нет, – честно признался Пашка.

– С поцелуями твоими все примерно так же. На мелочь не разменивайся. А то, знаешь, пока до чего-то стоящего доберешься, бац, а оно все уже занято окажется. Ладно, держи еще, – Илья сунул Пашке оставшиеся купюры, – и давай на выход.

– Видишь, – Пашка, широко улыбаясь, помахал зажатыми в кулаке тысячными, – и стоящего может быть много.

Придя к выводу, что его педагогические потуги провалились, Илья мрачно вздохнул. Он уже собирался поторопить Пашку, когда тот, спрятав деньги в карман, обвиняюще ткнул Лунина в бок пальцем.

– А ведь ты жулик! Я тебе первым вопрос задал, а ты мне так ничего и не ответил.

– Это ты про Ирину? – уточнил Лунин и тут же, спохватившись, добавил: – Владимировну?

– А кого ж еще? – кивнул Пашка. – Что, снится?

Лунин возмущенно засопел, не зная, что ответить смотревшему на него с улыбкой одиннадцатилетнему мальчишке, который задавал такие вопросы, которые, как казалось самому Лунину, задавать пока не должен. Он не знал, как сказать, что Ирина ему вовсе не снится, а несколько раз за последние пару месяцев снилась совсем другая женщина. Но это совсем ничего не значит, потому что та, другая, живет лишь в его воспоминаниях. А люди так уж устроены, что им чаще всего приходят во сне либо воспоминания, либо их страхи. А вот надежды, мечты, например, такие, как у него, в которых живет Ирина, снятся людям отчего-то гораздо реже. Не то чтобы совсем не снятся, вовсе нет. Но, во всяком случае, ему, Лунину, точно ничего подобного, к сожалению, во сне не является.

– Иди, – сухо скомандовал Илья.

– Обиделся? – Пашка еще раз ткнул Лунина в бок, на этот раз кулачком.

– Иди уже, – как можно мягче попросил Илья.

Но Пашка и не думал выходить из машины. Внимательно, снизу вверх посмотрев на Лунина, он неожиданно твердо произнес слова, смысл которых не сразу дошел до Лунина.

– Я помогу, можешь не сомневаться. И ей помогу, – Пашка распахнул дверь «хайлендера», отчего в машине сразу же стало холодно и неудобно, – и тебе.

Дверь автомобиля громко захлопнулась. Маленькая темная фигурка, быстро пробежав от калитки до подъезда, скрылась за стеклянной дверью, а Лунин все так же сидел неподвижно, удивленно размышляя о том, каким взрослым может быть одиннадцатилетний ребенок, и пытаясь вспомнить, каким он сам был в уже очень далекие и почти стершиеся из памяти одиннадцать лет. Так ничего толком и не вспомнив, он поехал домой, где его с нетерпением ждала Рокси. По дороге он сделал звонок Зубареву.

– Лунин, а до завтра наше общение подождать не может? – вовсе не обрадовался звонку приятеля Вадим. – Я тут немного занят.

– Библиотечное дело осваиваешь? – хмыкнул Илья. – Я коротко. Интернациональная, двадцать шесть, ты по этому адресу участкового знаешь?

– Интернациональная, – напряг память оперативник, – знаю, конечно. Там, кстати, нормальный мужик, не халтурщик.

– Нормальный, говоришь, – с сомнением пробурчал Лунин, – я тебе сейчас фотографию скину, там заявление от потерпевшей. Поговори с ним, пусть сходит, посмотрит, что там к чему, с мужем ее пообщается.

– Заявление, я так понимаю, на мужа, – догадался майор. – А как оно у тебя оказалось?

– Тут долгая история. – Илье почему-то вдруг не захотелось делиться подробностями собственного пребывания в ОП-3. – Я в отделе случайно оказался, а тут эта женщина.

– А в дежурке ее отфутболили, – закончил за него Вадим, – можешь не объяснять. Она что, твоя знакомая?

– Не важно. Ты поможешь или нет?

– Ох, какие мы гордые, – фыркнул оперативник, – спросить ничего нельзя. Ладно, сбрось заявление, я с участковым переговорю. Не дадим твою заявительницу в обиду, так ей и передай.

– До завтра, – бросил в телефон Илья, завершая разговор. Благодарить Зубарева он не стал. Какие уж между друзьями благодарности, когда речь идет о такой мелочи. Да и к тому же Вадик пока ничего и не сделал.

Глава 4

Здесь рыбы нет

Невыспавшийся Зубарев был немногословен. Буркнув короткое «Привет», он бросил сумку с вещами на заднее сиденье, уселся, скрестив на груди руки и закрыв глаза, и принялся усиленно изображать спящего. Минут через десять внутреннее состояние оперативника совпало с внешними проявлениями, и он наполнил салон оглушительным храпом, так что Илье не оставалось ничего другого, как выставить громкость музыкальной системы почти на максимальную.

Два часа спустя, заехав на последнюю, по мнению навигатора, приличную заправку и залив полный бак, он бесцеремонно растолкал оперативника.

– Уже приехали? – Вадим сонно огляделся по сторонам.

– Еще два часа пилить, – Илья достал с заднего сиденья предусмотрительно захваченный с собой термос с кофе, – а то и больше.

– И что, тебе потребовались услуги штурмана? – Поняв, что ехать еще долго, Вадим вновь скрестил на груди руки. – Все время прямо. А я еще чуток вздремну, если ты не возражаешь.

– Возражаю, – Илья протянул ему металлическую кружку с кофе, – ты храпишь слишком громко, уши закладывает.

– Так ты радио погромче сделай, и нормально будет, – попытался было отказаться от кофе Вадим.

– Вот от радио уши и закладывает, – отрезал Лунин, – пей.

– Ну, пей так пей, – согласился оперативник, – а закуска есть хоть какая? А то у меня от пустого кофе желудок сводит.

После того как было покончено и с лунинским кофе, и с лунинскими же бутербродами, «хайлендер» вновь устремился прочь от уже давным-давно скрывшегося за горизонтом Среднегорска. С каждым километром радиоприемник все хуже ловил сигнал, и в конце концов Илье не оставалось ничего другого, как его выключить.

– Тишина, скукота, тоска, – спустя несколько минут прокомментировал Вадим, – небось, и в Нерыби этой такая же канитель будет.

– Это предсказание? – Илья бросил короткий взгляд на приятеля и вновь сосредоточился на дороге.

– Это богатый профессиональный и жизненный опыт, – важно изрек Зубарев, – поверь мне, ничего интересного нас там не ждет. По сути, есть всего два реальных варианта. Либо эта потеряшка сама сбежала из этой глухомани, и я думаю, когда мы туда приедем, то поймем, что это нормальное желание для семнадцатилетней девицы.

– Либо?

– Либо ее папашка сам и прибил. Ну или, может, еще брат. У нее ведь братец-близняшка. В любом случае кто-то из своих. Так что тряханем их как следует, и все узнаем. Вот увидишь, завтра к вечеру кто-нибудь нам всю правду уже расскажет. Я лично ставлю на папашку.

– Ты, я смотрю, уверен, – хмыкнул, не поворачивая головы, Лунин.

– Ну а что ты хочешь? У мужика этого, Кноля, жены нет, кругом одни зэки да вертухаи, вот он и одичал малость. У них же там угрюм-река, угрюм-тайга, сплошной угрюм.

– Нерыбрь.

– Что – Нерыбрь? – не понял оперативник.

– Река так называется – Нерыбрь. Как и поселок.

– Ах, Нерыбрь. Ну да, тогда это, конечно, все меняет, – хмыкнул Вадим. – Ты, раз уж такой знаток географии, может, еще скажешь, откуда название такое взялось чудное – Нерыбрь?

– От казаков, – порадовался возможности блеснуть знаниями Лунин, – они где-то там, где сейчас поселок, на зимовку встали.

– Казаки? – иронично переспросил Зубарев.

– Не все, конечно, казацкий отряд. Построили себе что-то вроде небольшой крепости, думали, зимой будут на охоту ходить да рыбу ловить.

– Но тут что-то пошло не так?

– Именно, – кивнул Илья, – снега выпало так много, что в тайге пройти было невозможно, а рыбы в реке так и не оказалось. Так что до весны, когда к ним пробилось подкрепление, весь отряд уже умер от голода.

– Какая история, – покачал головой Вадик, – эпическая. Ты, Лунин, прям кладезь знаний. Я вот вчера весь вечер в библиотеке провел, и то не в курсе, кто там чего ловил. Ты вот только скажи мне такую вещь... – Зубарев громко зевнул, прогоняя остатки сна. – Ежели эти казаки все перемерли, откуда стало известно, что они ни одной рыбины в реке не поймали.

– Понятия не имею. – Лунин пожал плечами. – Может, кто написал?

– Ага, я представляю, – неожиданно развеселился Вадик. – Приходит, значит, в крепость это подкрепление, там кучка обглоданных скелетов, а в тающий сугроб табличка воткнута: «Здесь рыбы нет».

– Ну очень смешно, – вздохнул Илья. – Ты мне скажи лучше, ты по этому Кнолю что-то узнавал или так весь вечер в библиотеке и проковырялся.

– Во-первых, в библиотеке я не ковырялся, я там культурно проводил досуг.

– Культурно-эротически, – фыркнул Лунин.

– А ты не завидуй. Придет и твое время. Вот в детской такие резвые старушки работают, тебе, Лунин, в самый раз с ними познакомиться.

– Высажу, – пригрозил Илья.

– Ага, так я и вышел, – нисколько не испугался Зубарев. – Ладно, не пыхти. Узнавал я по Кнолю. Немного пока информации, но кое-что есть. Он из второй категории.

– Из чего он?

– Ты что, не знаешь? Во ФСИНЕ² работают две категории. Первая – те, которых никуда больше не брали, а вторая – которых откуда-то выгнали. Вторые, сам понимаешь, поумнее первых. Порой их именно за это откуда-то и поперли.

– А Кноля, значит, поперли?

– Еще как, – ухмыльнулся Вадик, – его, можно сказать, вышибли пинком под зад, так что он аж до самой Нерыби и долетел.

– И откуда вышибали?

– О, друг мой, тут как раз самое интересное! И откуда вышибали, и как – одно другого круче. Этот наш Аркадий Викторович раньше знаешь где служил?

– Не тяни!

– Он командовал батальоном спецназа, номер части сейчас не помню, у меня в блокноте записано. В общем, под Красноярском они базировались. У вояк, сам знаешь, учения регулярно, чтоб сильно не расслаблялись. Ну вот, в очередной раз их всех куда-то погнали одних против других, а тут как раз комиссия из штаба округа. Оказывается, тот, который теми, другими, командовал, должен был по результатам учений уйти на повышение. И все вроде как про это знали.

– И Кноль?

– Думаю, что и Кноль, – кивнул майор, – у меня информация, конечно, неофициальная, но человека хорошо знаю, врать не будет. Он сказал, что в курсе были все. Ну а раз в курсе, то чего напрягаться? Красные бьют белых, ну или наоборот, уж не знаю, как сейчас правильно.

² ФСИН – Федеральная служба исполнения наказаний.

Потом подбивают итоги, нужный человек получает нужное звание, остальные просто радуются, что отмучились. Уж не знаю, чего там с этим Кнолем приключилось, может, он фильмов героических посмотрел, только он погнал свой батальон ночным маршем по какому-то болоту, утопил в нем половину техники, но зато с тем, что осталось, к утру вышел к штабу этих самых красных и повязал их всех тепленькими, включая того генерал-майора, на которого уже приказ о переводе пришел и новые погоны. В общем, примерно, все как у тебя с Хованским, только, конечно, без наручников обошлось.

– Можно без сравнений? – настойчиво попросил Лунин.

– Можно и без сравнений, – пожал плечами Вадим, – хотя с ними как-то точнее. Тебе ведь нужна точная картина?

– Можно и приблизительную.

– Уговорил, слушай дальше. Картина такая: с минуты на минуту должна появиться комиссия, генерал этот проигравший орет на Кноля, чтоб тот забирал своих охламонов и лез обратно в болото, вроде как его тут и не было. В общем, Кноль терпел, терпел и не вытерпел. Подъезжает к штабной палатке комиссия, выгружается, а генерала нет, только кусты шевелятся. Шевелятся и кричат таким тоненьким голосочком: «Помогите!» Пока комиссия сообразила, что к чему, из кустов появляется Кноль. Подходит строевым шагом и рапортует об итогах учений. Пока он рапортовал, и генерал выбрался. Конечно, малость помятый, но в целом без особых повреждений. Представляешь пейзаж?

– Приблизительно, – хмыкнул Илья.

– Кноль правильно сделал, что генерала в кустах мутузил. Если бы он это на глазах у комиссии сделал, всяко под трибунал угодил бы, а так его просто из армии культурно вышибли. Во ФСИНе, сам знаешь, у них толковых офицеров всегда дефицит был. Конечно, в само управление его не взяли, кому под боком такой борзый нужен, а вот в Нерыби как раз вакансия появилась, вот ему и предложили. А куда мужику еще деваться? Он же только и умеет командовать да морды генералам бить.

– Ну да, в Нерыби генералов нет.

– В Нерыби он сам себе генерал. Он там шесть лет уже как окопался. Говорят, вполне неплохо себя чувствует, и колония вроде как по всем показателям образцовая.

– Ни разу не был. – Илья немного сбавил скорость, проходя крутой поворот.

– Где? В образцовой колонии? Какие твои годы, еще успеешь. Только, Лунин, если что, тебя в другое место повезут.

– Я уже в курсе, – Илья усмехнулся, взглянув на приятеля, – Хованский рассказывал.

– Мудрый человек этот ваш Хованский, – отозвался оперативник. – Надо было ему тогда, когда ты наручниками пристегивал, еще и кляп в рот воткнуть.

– Зачем? – вздохнул Лунин.

– А потом сфоткать, – ухмыльнулся Вадим, – или видео снять. А что, был бы в тренде.

После того как обмен колкостями был завершен, вернее, оперативнику надоело посмеиваться над вяло огрызающимся Луниным, в салоне воцарилось ленивое, как это обычно и бывает после нескольких часов, проведенных в дороге, молчание. Зубарев дремал, почти до упора откинув спинку сиденья, Рокси негромко посапывала, скрутившись калачиком на заднем сиденье, сам же Илья беззлобно завидовал обоим своим спутникам, иногда отвлекаясь на размышления о том, сменит ли Хованский гнев на милость в случае удачного раскрытия этого дела. В конце концов Илья решил, что Хованский может многое, в том числе и подобную малость, но вот захочет ли он сделать то, что может, и сделает ли, – это был уже совсем другой вопрос, ответа на который в голове Лунина пока не было.

– Ты глянь, засада! – только что казавшийся спящим оперативник оторвал спину от кресла и ткнул пальцем в лобовое стекло. – Ждут кого-то. Уж не нас ли?

Оказалось, что ждали их, но не именно Зубарева и Лунина, а всех приезжих, возжелавших посетить Нерыбь – поселок, окруженный глухой тайгой и не имевший абсолютно никаких достопримечательностей, за исключением исправительной колонии номер пять, она же сокращенно ИК-5, или «пятерка». Собственно говоря, ради этой достопримечательности люди в Нерыбь и ехали. Нет, никому из них не было дела до того, что «пятерка» была открыта (преимущественно на вход и почти никогда на выход) в далеком 1937 году по личному распоряжению Николая Ежова, занимавшего в то время высокую должность народного комиссара внутренних дел. Всем было наплевать на то, что ИК-5 заслуженно славилась как самая большая по площади и числу «жителей» колония во всей Сибири. И никто даже не знал, что всего год назад коллектив исправительного учреждения был награжден переходящим вымпелом службы исполнения наказаний с торжественной и почетной формулировкой: «За успехи в трудовых показателях и деле исправления осужденных».

Люди ехали в Нерыбь совсем не поэтому. Причина у всех была одна и та же: их родственники, в крайнем случае, друзья, вынужденные провести некоторую, иногда довольно значительную, часть жизни на территории славной, награжденной переходящим вымпелом, самой большой в Сибири исправительной колонии. Хотя друзья к обитателям ИК-5 приезжали не так уж и часто. По какой-то необъяснимой причине круг общения людей, оказавшихся с внутренней стороны высокого, в три ряда, ограждения, всегда стремительно сокращался. Зачастую человек, еще не так давно бывший душой компании, неожиданно обнаруживал, что компании ему на ближайшие пять, десять, а то и пятнадцать лет готовы составить совсем немногие. Мать, жена, дети. Причем этот, и без того достаточно короткий, список мог внезапно стать еще короче, а иногда никакого списка и вовсе не оставалось. Но и те, кому повезло больше, могли насладиться обществом приехавших к ним за сотни, а иногда и за тысячи километров не так уж и часто: раз в два месяца краткосрочное свидание, на котором только и можно, что увидеть близкого человека через стекло да поговорить с ним, прижимая к уху телефонную трубку, и раз в три месяца свидание длительное, если только можно считать длительными сутки или двое, проведенные вместе в небольшой, скудно обставленной комнате, где, впрочем, на мебель никто не обращает внимания.

Так или примерно так, с небольшими отклонениями в ту или иную сторону, обстояло дело с уже достаточно давних времен, возможно, оно обстояло бы так и дальше, но неожиданные, никем не предвиденные обстоятельства стремительно переменили ситуацию. Причем, как это часто бывает с переменами неожиданными и стремительными, переменили ее в худшую сторону. Как только стало понятно, что новый, еще не изученный врачами вирус уверенной поступью перешагнул границы государства и, сравнительно быстро овладев столицей, двинулся вглубь страны, исправительная система сделала то единственное, что она всегда умела делать, – с грохотом захлопнула даже те немногие двери и форточки, которые были едва заметно приоткрыты, полностью изолировав саму себя и своих обитателей от внешнего мира. Постепенно ситуация немного стабилизировалась, и краткосрочные свидания, как и прием посылок от родственников, были возобновлены, но в Нерыби, благодаря ее удаленности от всего остального мира, а также изобретательности полковника Кноля, существовала своя специфика, с первыми проявлениями которой Лунин и Зубарев столкнулись нос к носу на блокпосту, перекрывающем въезд в поселок.

По неофициальному, но от этого не менее весомому указанию Аркадия Викторовича въезд посторонних в поселок был полностью запрещен. Все машины приезжающих на свидания и привозящих посылки в колонию останавливались в трех километрах от Нерыби. Дальнейшее перемещение непосредственно до колонии было возможно исключительно на выделенном для этих целей автобусе, который отвозил пассажиров прямо к пропускному пункту, а затем возвращал обратно. Возможности посетить местный магазин или уж тем более переночевать в закрытой за ненадобностью гостинице у приезжих не было, как не было и воз-

возможности пообщаться, а заодно и заразить чем-либо жителей поселка. Все прочие, приезжавшие в Нерыбь по служебной необходимости, здесь же на блокпосту сдавали экспресс-анализ, после чего, прождав полчаса, могли ехать в поселок. Той же процедуре подвергались и местные жители, возвращающиеся домой из отпуска или командировки. Благодаря таким, с одной стороны, драконовским, а с другой – имеющим весомые основания мерам до начала ноября в Нерыби не было выявлено ни одного случая опасного заболевания, чем Аркадий Викторович Кноль, несомненно, мог гордиться. Он и гордился вплоть до тридцатого октября, того самого дня, когда пропала Алина.

Вадим еще вяло препирался с начальником караула, когда Лунин распахнул дверь видавшей виды «газели» с надписью: «Медицинская служба». Двадцать минут спустя, когда результаты теста еще не были объявлены, к перекрывшему дорогу шлагбауму вплотную подъехал белый «УАЗ-Патриот», из которого легко выскочил высокий, хорошо сложенный офицер с капитанскими погонами на плотно облегающей его широкие плечи камуфляжной куртке. Перекинувшись парой слов со стоящим у шлагбаума прапорщиком, офицер подошел к Лунину и протянул руку:

– Приветствую! Вы, я так понимаю, Лунин?

– Он самый, – Илья пожал протянутую ладонь и запоздало спохватился, – а мы ведь еще не проверенные!

– Беда. И что ж теперь делать с ней? – поднеся к лицу правую руку, капитан некоторое время разглядывал ее с отчетливым выражением брезгливости, которое несколько портило его в целом достаточно симпатичное, еще не обрюзгшее лицо. – Не отрубать же?

На лице капитана появилась задорная улыбка. Сделав несколько широких шагов, он подошел к медицинской «газели» и рывком открыл боковую дверь.

– Лариса Андреевна! Что там наши гости, незаразные?

– Незаразные, – послышался в ответ добродушный женский голос, – сейчас, я документы оформлю.

– Вы не спешите, я за бумагами завтра заскочу. Это ж из области приехали, – наклонившись ближе к невидимой от шлагбаума Ларисе Андреевне, капитан бросил несколько коротких фраз, очевидно, объясняющих цель появления в Нерыби двух «незаразных», после чего все с той же широкой улыбкой обернулся к Лунину и махнул рукой: – Все, можно ехать!

– Ну наконец-то, – оживился бродивший вдоль обочины Зубарев, – а то есть уже охота, сил нет. Обед, надеюсь, программой предусмотрен?

– Это с вами? – уточнил капитан, смерив Вадима быстрым оценивающим взглядом.

– Мы друг с другом, – отозвался за Илью оперативник, – майор Зубарев. Можно Вадим.

– Ох! – смутился капитан, обмениваясь с Вадиком рукопожатием. – Я же и не представился. – Капитан Ревенко, можно Женя.

– Так что, капитан, накормишь приезжих? – уже более требовательно уточнил Вадим.

– Накормлю, – на лице Ревенко проступило едва заметное замешательство, – только сначала надо будет Аркадия Викторовича посетить, сами понимаете.

– Понимаем, – не стал спорить майор. – Ладно, что время терять? Езжай вперед, мы за тобой.

Путь от блокпоста до ближайших построек занял всего несколько минут. По обе стороны от узкой, но пребывающей в неплохом состоянии полоски асфальта высились темные, почти черные шпили густого елового леса. Последний километр до Нерыби дорога начала подниматься вверх, и ели сменились соснами – более светлыми, вздымающимися к небу купола могучих ветвей, словно приветствуя мчащееся по сине-голубой беговой дорожке огненное светило. Вырвавшись из чащи леса, автомобили почти сразу въехали в поселок и, сбавив скорость, покапали среди аккуратных двухэтажных домов, как один удивляющих идеально оштукатуренными и явно не так давно выкрашенными фасадами. Дома были относительно небольшими, двух-

подъездными, как быстро прикинул Илья, получалось, что в каждом доме живет всего шестнадцать семей. Между домами, как и на подъезде к поселку, росли сосны, но только не сплошным лесным частоколом, а значительно реже, будто какой-то великан с корнями вырвал каждое второе, а то и две трети из росших когда-то деревьев и дал возможность оставшимся расти не только ввысь, но и вширь, а под их мощными раскидистыми кронами тут и там разбросал разноцветные детские городки, спортивные площадки и уличные тренажеры, проложил вымощенные плиткой пешеходные дорожки и даже расставил вдоль них светильники на высоких кованых опорах.

– А тут недурно, – пробурчал, не отрываясь от окна, Зубарев, – прямо Кноль-Лэнд какой-то.

– Я думаю, дома построили еще до его приезда.

– Построили – да, – возражающим тоном согласился Вадим. – Только построить – это одно, а вот содержать все это – совсем другое. Ты смотри, какие домики!

Шестнадцатиквартирные дома сменились аккуратными небольшими коттеджами. Судя по всему, изначально домики были похожи как близнецы. Острые двускатные крыши, узкие, почти не имеющие практического смысла французские балконы, одинаковые, торчащие из обоих скатов крыши кирпичные трубы. Однако со временем обитатели коттеджей придали своим жилищам некое подобие индивидуальности. Некоторые расширили окна, кто-то обложил стены фасадным кирпичом или облицевал камнем, но все же было очевидно: все домики были выстроены в одно время и по одному и тому же проекту.

– Лунин, ты раньше такие деревни видел? – полюбопытствовал оперативник. – Да еще при зоне! Интересно, кто им такое счастье в этой глуши отстроил, может, Берия? Ты как думаешь, Илюха?

Не отличавшийся излишней впечатлительностью Лунин лишь молча пожал плечами. Вскоре вереница аккуратных домов осталась позади. Дорога несколько раз вильнула, уходя в тайгу и постепенно взбираясь в гору, затем вновь вынырнула на открытое пространство.

– Ну слава богу, хоть здесь все, как у людей, – облегченно вздохнул оперативник.

Теперь обе машины ехали вдоль высокого бетонного забора, поверх которого тянулась бесконечная спираль колючей проволоки, а вернее, узкой полоски металла с необыкновенно острыми, фигурной формы шипами, гроззящими непременно зацепиться и расцечь, разорвать, изуродовать одежду, кожу, мышцы, артерии любому безумцу, решившему преодолеть столь грозную преграду. В том, что решиться на подобное мог только безумец, никаких сомнений быть не могло, особенно с учетом того, что за внешним глухим периметром скрывалось еще несколько рядов ограждения.

Шедший первым «патриот» повернул на небольшую стоянку для автомобилей, идеально вычищенную от нападавшего за ночь снега, и остановился в нескольких метрах от крыльца одноэтажного приземистого здания, в котором, как без труда догадался Лунин, находился штаб исправительной колонии. Выйдя из машины, Илья обернулся. Площадь перед запертыми массивными воротами и идеально выбеленным пропускным пунктом была пустынна. Было так тихо, что могло показаться, что никого нет не только по эту сторону ворот, но и по другую.

– Пойдемте, Аркадий Викторович ждет вас, – поторопил уже стоящий на крыльце капитан.

После поражающего своей почти кукольной ухоженностью поселка здание штаба, во всяком случае, его длинный безлюдный коридор ничем особенным Лунина не удивил. Обычное казенное здание с выкрашенными в бежевый цвет стенами, унылыми информационными стендами и темными прямоугольниками запертых дверей кабинетов. Перед тем как потянуть на себя ручку двери, на которой красовалась довольно непримечательная типовая табличка: «Начальник ИК-5 полковник Кноль А. В.», Ревенко оглянулся.

– Я лучше сразу предупрежу. Он, как Алинка пропала, молчит все время. Точнее, не прям с того дня. Вначале, пока думали, что она в тайге заблудиться могла, он сам всеми поисками командовал, а потом, как эта тема с лунной всплыла... – Капитан вопросительно взглянул на Илью: – Вы же знаете, что у нас еще одна девчонка пропала, и тоже в полнолуние?

– Наслышаны, – буркнул Зубарев.

– Так вот, он как про это полнолуние услышал, с вечера еще ничего был, держался, а наутро как отрезало. Вчера приехал, зашел к себе в кабинет и так и просидел молча до вечера. И сегодня все то же самое.

– И с чего же вы взяли, что он хочет нас видеть? – уточнил Лунин.

– Ну а как же? Я ему утром сказал, что сегодня должны из области приехать.

– И что, он что-то ответил?

– Ничего, – смущенно покачал головой капитан. – Но я же тогда еще раз спросил. Говорю, как люди приедут, их к вам привести?

– И?

– И он кивнул, – улыбнулся Ревенко, – ждет, значит.

– Ждет, это хорошо, – вмешался в разговор оперативник, – только я тебе, Женя, так скажу, когда дети пропадают, мы с их родителями всегда общаемся. Плотно общаемся, независимо, ждут они нас или не очень. Иногда, кстати, этого оказывается вполне достаточно, чтобы дети нашлись. Правда, не всегда живые.

На лице капитана появилось не то возмущенное удивление, не то удивленное возмущение. Что именно, Лунин понять не успел, поскольку майор грубо поторопил Ревенко, не дав ему возможности что-либо возразить:

– Ты чего замер, капитан? Толкай дверь, или мы без тебя войдем.

Миновав приемную, в которой Ревенко сделал короткий знак рукой вскочившей было при их появлении секретарше, они все трое один за другим вошли в кабинет Кноля. Полковник сидел в кресле, опираясь на письменный стол локтями и крепко сцепив пальцы рук, на которые он опустил массивный, темнеющий уже как минимум трехдневной небритостью подбородок.

– Аркадий Викторович, вот, приехали, – хотел было представить вошедших Ревенко, но Вадим уже шагнул вперед, небрежно потеснив капитана в сторону.

– Майор Зубарев, областное УВД, – оперативник продемонстрировал распахнутое удостоверение и, уже убирая его во внутренний карман, кивнул в сторону стоящего молча Лунина, – а это подполковник Лунин, следователь.

Ничего не ответив, Кноль скользнул безразличным взглядом по Зубареву, на мгновение задержался на почти двухметровой нескладной фигуре Лунина и холодно уставился на своего подчиненного. Веки полковника медленно опустились, затем, после секундной паузы, вновь поползли вверх. Ревенко, очевидно научившийся понимать даже такие, молчаливые, команды, кивнул:

– Я вас покину.

– погоди, не покидай, – ухватил его за плечо Зубарев, – раз уж обед не скоро, попроси тетечку в приемной, пусть она нам кофе организует. Да и Аркадий Викторович, наверное, не откажется немного взбодриться.

Нервно дернув плечом, Ревенко вновь взглянул на полковника. Тот вновь моргнул, на этот раз чуть более энергично. Не дожидаясь новых пожеланий от явно чувствующего себя чересчур вольготно областного оперативника, капитан покинул кабинет начальника колонии.

– Разрешите? – шагнул вперед, Илья коснулся пальцами спинки стула.

На этот раз полковник отреагировал коротким кивком, что, по мнению Лунина, явно представляло собой шаг вперед в сравнении с невнятным морганием.

– Аркадий Викторович, – пристально взглянув в глаза Зубареву, Илья постарался дать понять приятелю, что сейчас ему лучше немного помолчать, – я уже понял, что вы не очень

склонны к многословию, но побеседовать нам с вами все же необходимо. Чем больше у нас будет информации, тем проще нам будет вести расследование.

– Расследование? – Лунин, не ожидавший, что собеседник так быстро прервет свое молчание, невольно вздрогнул, когда зазвучал негромкий, но с отчетливо слышными обвинительными интонациями голос Кноля. – Вы собираетесь вести расследование? Поисками Алины вы заниматься не намерены?

– На самом деле, это одно и то же, – постарался сохранить хладнокровие Лунин, – мы пытаемся понять, как и почему Алина исчезла, кто, скажем так, способствовал ее исчезновению. Тем самым мы приходим и к ответу на тот вопрос, который всех нас так волнует, – где сейчас Алина.

Внимательно вслушивающийся в разговор Зубарев одобрительно кивнул.

– И что, у вас когда-то это уже получалось? – теперь пристальный взгляд бледно-голубых, почти бесцветных глаз был направлен прямо на Лунина.

– У меня есть некоторый опыт, – кивнул Илья, надеясь, что ему не придется посвящать полковника в подробности, а главное, в результаты своих поисков, – буквально этим летом. В июне.

– Нашли? – вопрос прозвучал еще тише, чем предыдущие, он был задан почти шепотом.

– Нашел, – вновь кивнул Лунин и в ту же секунду понял, каким будет следующий вопрос Кноля.

– Живой?

– Нет. – Илья испытывал огромное желание отвести взгляд в сторону и не видеть эти глаза, пытающиеся заглянуть ему куда-то вовнутрь в поисках того, чего, возможно, обнаружить было нельзя, в поисках надежды на то, что Алину можно будет найти. Живой. – Было уже слишком поздно.

– Поздно, – медленно повторил Аркадий Викторович, сжимая кулаки с такой силой, что казалось, кожа на костяшках пальцев вот-вот лопнет от напряжения. На мгновение Лунину показалось, что сейчас полковником овладеет приступ ярости. – Тогда что мы теряем время? У вас есть вопросы? Спрашивайте!

Словно почувствовав перемену в настроении Кноля, в кабинет вошла секретарша, осторожно неся в руках поднос с тремя чашками кофе, заполненной кусочками рафинада сахарницей и небольшим блюдцем с тонкими, почти прозрачными ломтиками лимона.

– Хорошо! – проводив взглядом выходящую из кабинета женщину, Лунин вновь повернулся к полковнику. – День исчезновения Алины. С самого утра. Подробно. Чем она занималась, как себя вела, было ли что-то необычное?

– Необычное, – Кноль начал с ответа на последний вопрос, очевидно казавшийся ему самым простым, – не было ничего необычного. Все, как всегда. Встали, позавтракали, разбежались. Она в школу, я на службу.

– Вы выходите в одно время?

– Как правило, иногда я чуть раньше. В пятницу мы вышли из дома вместе.

– Я так понимаю, сюда от поселка вы добираетесь на машине?

– Естественно. Здесь расстояние почти два километра. К чему вопрос?

– Я хотел уточнить, дочь к школе вы в тот день не подвозили?

– Ни в тот, ни в какой другой, – отрезал было Кноль, но тут же недовольно нахмурил брови. – Нет, вру. Возил пару раз в сентябре. Дожди были сильные, не хотел, чтоб она потом сидела вся мокрая.

– А в остальное время?

– В остальное время нет необходимости. Молодому организму пешком полезно пройтись, да и до школы от нашего дома не так далеко. Так что баловать не видел смысла.

– Логично, – пробормотал Лунин. – После школы вы ее видели?

– Видел, но мельком, – на пару мгновений полковник прикрыл глаза, словно пытаюсь восстановить картину произошедших несколько дней назад событий, – мы даже не поговорили.

– Если можно, подробнее. Алина приезжала сюда или вы были в поселке?

– В поселке, в кафе. Они, правда, сами себя рестораном именуют. Вот там мы и встретились. Точнее, на веранде. Я там пил кофе. Алина зашла, но подходить не стала, посидела немного за соседним столом и ушла.

– Вы были не один, – догадался Илья. – Тогда хотелось бы уточнить, с кем именно.

Кноль, до этого отвечавший на все вопросы без малейшего промедления, задумчиво провел широкой ладонью по столу, смахивая на пол несуществующие пылинки.

– Не вижу смысла вдаваться в подробности. Эти люди Алину даже не знают. Они – родственники одного из осужденных. Попросили о встрече, я согласился.

– И часто вы так соглашаетесь? – неожиданно вмешался в разговор Зубарев. – В кафе, с родственниками.

Над столом повисла тишина, которую каждый из сидящих за столом мужчин использовал так, как считал нужным. Аркадий Викторович буравил возмущенным взглядом беззаботно закинувшего ногу на ногу майора, Зубарев, делая вид, что ничего не замечает, беззаботно потягивал кофе, ну а Лунину оставалось лишь гадать, выплеснет ли Кноль содержимое своей чашки в лицо оперативнику или же попытается выразить свое возмущение каким-либо иным, возможно, еще более энергичным образом.

– Я уже шесть лет в этой должности, – полковник еще раз провел ладонью по столу, – вполне достаточный срок, чтобы понять, с какими просьбами соглашаться можно, а на какие стоит ответить отказом. Хотя, возможно, с вашим кофе я несколько погорячился. Можно было и не обременять Ольгу Львовну.

– Так и что, эта ваша встреча в пятницу чем закончилась, отказом или согласились? – продолжал допытываться оперативник.

– Ничем она не закончилась, – вспылил наконец полковник, – ничем! Какое отношение эта встреча имеет к пропаже моей дочери? Алина ушла, понимаете вы, ушла на занятия музыкой, а я с этими людьми остался в этом дурацком кафе. И все! Больше я Алину уже не видел.

– Музыка, замечательно, – прервал разгорающуюся перепалку Илья. – Занятия у нее были?

– Были, – уверенно отозвался Аркадий Викторович, – я с Анной Андреевной сам разговаривал. С четырех до половины пятого Алина была у нее.

– Анна Андреевна – это преподаватель? – на всякий случай уточнил Лунин.

– Ну а кто еще? – Полковник мрачно взглянул на Лунина. – В пять у Алины должно было начаться занятие по немецкому. Точнее, начинали они обычно чуть раньше, быть может, без четверти, как только Алина приходила с музыки. Поэтому, когда она не появилась к пяти, учитель сделала звонок, но телефон был уже отключен. Тогда Ирина Юрьевна позвонила мне, и я начал беспокоиться.

– Когда вы приступили к поискам?

– Смотря что считать поисками. В течение часа я набирал Алину еще несколько раз, но она все время была вне доступа. Созвонился с Колесниковой, это Анна Андреевна, она сказала, что Алина ушла, как обычно. Где-то после шести я начал обзванивать ее подружек.

– Вы их так хорошо знаете? – вновь влез в разговор оперативник.

– Я хорошо знаю их родителей, – отчеканил Кноль, – преимущественно отцов. Почти все они работают у меня.

– И что звонки? – Илья укоризненно посмотрел на Зубарева, но тот сделал вид, что не заметил взгляда следователя.

– Ничего! Ничего они не дали. Еще какое-то время я не предпринимал активных действий, все же девочке уже семнадцать. Мало ли что. Вдруг у нее есть приятель, которого она

от меня скрывает? Но когда она не появилась к одиннадцати, я вновь обзвонил сотрудников, естественно, тех, которые не на смене. Все откликнулись, еще людей привели. Если честно, ночью почти весь поселок на ногах был. Главное, что наши кинологи подключились. Собаки-то у нас на поиск натасканные.

– И что собаки? – на всякий случай уточнил Лунин, уже имея общее представление о том, что от служебных овчарок пользы оказалось не больше, чем от звонков родителям Алининых одноклассниц.

– Ничего, – мрачно выдохнул Кноль. – Нет, вначале они, конечно, след взяли. Мы же как решили, плясать надо от печки.

– А печка у нас – это дом преподавателя музыки, – догадался Илья.

– Да. Вот мы от крыльца Колесниковой и пошли. У нее дом, считай, на окраине, третий от леса. Там лесок так, одно слово, полоска метров двести, кой-где еще уже, за ней сразу река. Но к реке с того края спускаться неудобно, берег обрывистый. Вот нас собаки туда, на берег и вывели, на Димкино место.

– На чье место? – переспросил Лунин.

– На Димкино. Это старая история, ей лет тридцать уже, наверное. В общем, там лавка стоит прямо на берегу. Вот к этой лавке собаки и вывели. Покрутились вокруг нее малость и всё, сели.

– След потеряли, – на этот раз догадливость решил проявить Вадим.

– Потеряли, – с неохотой подтвердил полковник. – Понятно, сразу подумали про обрыв. Бегом к спуску. Ночь, конечно, да еще с неба повалило, не поймешь, не то дождь, не то снег. В общем, кой-как спустились. Хорошо, у нас для ночных поисков все есть. Фонари мощные, да и сразу на берег генераторы привезли, к ним прожектора подключили. Так что там, внизу, мы полностью прошерстили. Никаких следов! Не падала она!

– Аркадий Викторович, – Илья старался подбирать слова так, чтобы лишний раз не задеть Кноля за живое, – вы сами понимаете, нам по долгу службы все равно придется все осмотреть самим, в том числе и на берегу, но все же, ваше мнение, могло так быть, хотя бы теоретически, что тело унесло течением?

– Нет, – Кноль решительно мотнул головой, – и не потому, что я в это не верю. Для начала, чтобы упасть в воду, с обрыва надо прыгать буквально с разбега. Прямо под обрывом камни, до самой реки несколько метров. Но, – полковник вцепился обеими руками в край стола, – даже если предположить, что Алина могла сотворить с собой такое, мы бы ее нашли. Там мелко, в основном по колено. Из воды камни торчат, ветки какие-то. Нельзя за них не зацепиться, физически невозможно.

– То есть вы уверены, что с обрыва Алина не падала, но и других следов собаки не обнаружили, – подытожил Лунин.

– Выходит, что так. – Криво усмехнувшись, Кноль провел рукой по небритой щеке. – Чертовщина какая-то, верно?

Не дождавшись ответа ни от делавшего быстрые пометки в блокноте Лунина, ни от оперативника, очевидно исчерпавшего отведенный на этот разговор запас ядовитых комментариев, Аркадий Викторович вновь потер руками теперь уже обе заросшие щетиной щеки и еле слышно пробормотал, не глядя ни на кого из присутствующих:

– Еще эта луна, будь она неладна!

– Ничего, с луной мы тоже разберемся.

На взгляд Лунина, произнесенная оперативником фраза прозвучала чересчур оптимистично.

Уже прощаясь, Кноль протянул Илье свою визитку:

– Звоните в любое время. Если потребуется какая-то помощь – люди, техника, что угодно, все обеспечим. А Ревенко можете использовать по своему усмотрению. Он парень

шустрый, если что-то показать надо или кого из людей к вам доставить, он все организует. Да, по вашему размещению все уже решено, так что Евгений вас сейчас отвезет, думаю, вас все устроит. Если понадобится отдельное помещение для работы, скажите ему, он организует.

– Спасибо, Аркадий Викторович. – Пожимая руку полковника, Лунин спохватился, что чуть не забыл задать еще один весьма важный вопрос: – Скажите, а с сыном вашим, Олегом, мы в ближайшее время сможем пообщаться?

Лицо Кноля, на котором проступило слабое подобие улыбки, вновь помрачнело.

– С Олегом, – отозвался он после затянувшейся на несколько секунд паузы, – можно, конечно. Позвоните мне, я его привезу. Или, если хотите, это можно сделать у нас дома. Я так понимаю, вы все равно будете осматривать комнату Алины. Верно?

– Верно, – кивнул Илья, – все верно.

После того как Лунин вслед за выскочившим первым Зубаревым покинул кабинет начальника исправительной колонии, уже заждавшийся в приемной Ревенко отвел их в столовую, располагавшуюся в другом конце здания штаба. Все трое ели молча, хотя капитан явно с трудом сдерживал желание полюбопытствовать о подробностях состоявшегося только что общения с Кнолем.

– Сейчас поедем разместим вас. – Залпом осушив стакан с морсом, Ревенко удовлетворенно выдохнул. – Аркадий Викторович приказал вам отдельный дом выделить. Там все удобства, так что жить можно с комфортом. Интернет тоже подключен. Если что-то надо будет из техники, не знаю, принтер или компьютер, не стесняйтесь, говорите. Я все организую.

– Ох, капитан, – Зубарев расплылся в блаженной улыбке наконец наевшегося человека, – стеснительность в число наших недостатков не входит. Особенно у меня. Насчет принтера пока не знаю, а вот от морсика я бы точно не отказался. И знаешь что, – Вадим ухватил уже собирающегося подняться Евгения за руку, – нельзя нам с собой нацедить в какую-нибудь емкость? Пару литров самое то было бы.

– Организуем, – кивнул, вставая из-за стола, Ревенко.

Пятнадцать минут спустя белый «патриот», украшенный эмблемой исправительной колонии – распростершей крылья совой, сжимающей в когтях цифру пять, – а вслед за ним и «хайлендер» Лунина остановились у двустворчатых, выкрашенных светло-серой краской железных ворот. И сами ворота, и примыкавший к ним кирпичный забор были не очень высокими, не больше полутора метров, и почти не скрывали расположенный немного в глубине участка двухэтажный коттедж, очень похожий на те дома, что так понравились Лунину, еще когда он проезжал по главной, носящей имя постепенно забываемого вождя пролетариата, улице. Основных отличий было два. Коттедж, чуть меньший по размеру, в отличие от дуплексов на улице Ленина, был индивидуальным, рассчитанным лишь на одну семью. Кроме того, расположен он был на другой улочке – более тихой, тянувшейся вдоль узкой полоски леса, за которой, как показывал навигатор, скрывалась та самая река Нерыбь, в которой когда-то давно умирающие от голода казаки безуспешно пытались поймать рыбу, а всего несколько дней назад десятки поднятых по тревоге людей пытались отыскать тело пропавшей девушки.

Глава 5

Два ствола и мама Люба

Дорожка, ведущая от незапертой калитки к дому, была расчищена от снега. Первым вошедший во двор Ревенко поднялся на крыльцо и, немного повозившись с ключами, отпер дверь.

– Держите, – протянул он Илье два комплекта, – желтые от нижнего, ну а белые, получается, от верхнего.

Как были, в верхней одежде, лишь для приличия постучав ногами по крыльцу, отряхивая прилипший к обуви снег, они прошли через небольшую прихожую и оказались в достаточно просторной, обставленной довольно скромно, с минимум необходимой мебели, комнате. Рокси тут же обежала комнату по кругу и, оставшись довольной увиденным, звонко тьякнула.

– Здесь, значит, гостиная, она же столовая, – объяснил капитан, – ну и она же кухня.

Он махнул рукой в сторону вытянувшегося вдоль одной из стен кухонного гарнитура, длинный ряд навесных шкафов которого был разделен широким двустворчатым окном.

– Чай, кофе, кое-что из продуктов тут имеется. Если что, магазин рядом. Через проулок на Ленина выйдете и направо. Ужинать можно в «Шансоне».

– Это что? – заинтересовался Вадим, уже бросивший на диван свою сумку и теперь увлеченно тыкающий кнопки на телевизионном пульте. – Что, батарейки не работают?

– Работают. У нас все работает, – буркнул капитан, включая провод от телевизора в розетку, – а «Шансон» – это кафе, по нашим меркам можно даже рестораном назвать. И кормят нормально, и цены путевые. У нас, кто неженатые, вечерами многие туда ходят.

– А женатых что, уже не пускают? – убедившись, что телевизор исправен, Зубарев переместился к холодильнику и теперь внимательно изучал его содержимое. – О, пельмени. Лунин, все, как ты любишь!

– Так женатым дома жены готовят, – удивленно отозвался Ревенко. – Чего им там высиживать?

– И то верно, – согласился майор, захлопывая дверцу холодильника, – для того и женятся, чтоб жена щи варила.

Подмигнув стоящему посреди комнаты Лунину, Вадим шумно плюхнулся на диван и поманил к себе тут же запрыгнувшую к нему на колени болонку.

– Чуть не забыл, – капитан положил на обеденный стол лист бумаги, явно вырванный из записной книжки, – утром ваши коллеги приехали из района. Их в общежитии поселили.

– Что, на всех командированных домов не хватило? – Зубарев вновь потянулся к телевизионному пульту.

Ревенко пожал плечами.

– Распоряжение Аркадия Викторовича. У нас ведь гостиница еще есть, только она не работает. Как карантин объявили, так и стоит закрытая. Там же в основном родственники останавливались. К экам родня на свиданки ездит, так они порой либо приедут вечерним автобусом, здесь ночуют, либо наоборот, пока все вопросы решат, уже уехать не на чем. Не у всех же машины есть. Но там, я скажу, не бог весть чего гостиница эта, так что в общежитии им не хуже будет. Вот парни телефоны свои написали, так что как понадобятся, звоните, они подскочат. Я им объяснил, как этот дом найти.

– Они на колесах? – уточнил оперативник.

– Да, – кивнул капитан, – но тут, если что, и пешком минут за десять дойти можно.

Достав из одного кармана телефон, а из другого шариковую ручку, Ревенко сперва несколько раз ткнул пальцем в экран, а затем склонился над столом.

– Вот, записал номер. Колычев Петр Григорьевич, участковый наш. Он тоже на низком старте. Как наберете, так сразу и примчится. Энергичный дядечка. – Очевидно, энергичность участкового капитана чем-то забавляла, так как он, иронично усмехнувшись, громко причмокнул губами, а затем, убрав телефон обратно в карман, добавил: – Между прочим, это он эту теорию выдвинул. Слияние двух лун, так сказать.

– На вас, я так понимаю, особого впечатления она не произвела, – предположил Лунин.

– Не особо, – Ревенко снисходительно поморщился, – это слишком уж...

Он несколько раз щелкнул пальцами, пытаясь подыскать нужное слово, а затем почти по слогам произнес:

– Ки-не-ма-то-гра-фич-но. Хотя Аркадий Викторович, например, верит. С другой стороны, если у тебя ребенок пропал, во что угодно поверишь.

– Ну а ты, капитан, в какую теорию веришь? – неожиданно задал вопрос Зубарев, приглушив звук работающего телевизора.

– Я? – удивился Ревенко.

– Ты, кто еще. – Голос оперативника вдруг стал требовательным, почти злым. – Ты ж где числишься, поди, в оперчасти?

Капитан мотнул головой. Судя по выражению его лица, версий, которые ему самому показались бы правдоподобными, у него не было.

– Так что, коллега, – поторопил Зубарев, – какие идеи?

– В оперчасти я раньше был, сейчас уже несколько лет в безопасниках. А что про идеи, – Ревенко наконец собрался с мыслями, и с каждым словом его голос звучал все увереннее, – Ритка, ну та, которая еще год назад пропала, она стопудово в город махнула. Тогда ж тоже расследование проводили, из области, правда, никого не было, районные суетились. Так, считай, все подружки ее и сказали, что она сбежать собиралась.

– И что же, – продолжал допытываться Зубарев, – она так махнула, что прям с концами? Ни платочка, ни следочка?

– А что такого? Город – он большой, кого хочешь проглотит. Да и городов у нас в стране много, поди отыщи, где она загуляла.

– Может, и так, – подбодрил собеседника майор. – Ну а нынешняя наша пропажа, что по ней скажешь?

– Ничего не скажу, – мгновенно отреагировал Ревенко, – непонятная история. Алинка – не Ритка, у нее цель была.

– И какая же у девушки была цель? – Вадим уже с явным интересом смотрел на стоящего возле стола капитана.

– В консерваторию она поступать собиралась. На композитора учиться.

– На композитора, – теперь удивился уже сам Зубарев, – а что, этому учат? Я думал, так, что в голову придет, то и записывают. Главное – ноты знать, а то записать не сможешь. Илюха, ты знал, что на композитора выучиться можно?

– Ты хочешь сменить поле деятельности? – Поскольку подозрения Лунина, что среди купленных к их приезду продуктов собачьего корма не окажется, подтвердились, он отрезал большой кусок обнаруженной в холодильнике вареной колбасы и, нарезав его кубиками сантиметр на сантиметр, высыпал в блюдо. – Рокси, иди сюда, перекусим.

– Вы всю-то колбасу не съдайте разом, – обеспокоился Вадим, – а то как в композиторы, так мне отдуваться, а как колбасу трескать, так это они вдвоем. Колбаса хоть докторская?

– Докторская, – поставив блюдо перед Рокси, Илья подошел к столу, – я думаю, надо всем собраться и решить, что и как будем делать.

– Давай хоть кофе попьем, разместимся, – раскинув руки в стороны, Зубарев с наслаждением потянулся, – надеюсь, у нас спальни разные?

– Спальни наверху, – успокоил его Ревенко, – целых три. Так что еще запас останется.

– Мы третью господину следователю под кабинет выделим, – заулыбался Вадим, – чтобы элита сыска могла в уединенной обстановке осуществлять мыслительный процесс. Нам-то операм кабинет зачем? Наша задача бежать и хватать, ну если догоним, конечно. А следователю – ему думать надо, дабы осуществлять руководство следственными действиями.

– Все сказал? – Подняв с пола сумку, Илья направился к лестнице, ведущей на второй этаж. – Поставь тогда чайник, а потом начинай всех обзванивать. Думаю, посидим минут пятнадцать, познакомимся, да и план действий накидаем. С чайником не тяни, пока они к нам добираться будут, успеем кофе попить.

– Уже бегу, – шутливо козырнул ему Зубарев и запоздало полюбопытствовал: – А ты это куда собрался?

– Пойду кабинет себе выберу, – деревянные ступени пронзительно поскрипывали под стодвадцатикилограммовым телом, – ну и спальню.

– Видишь разницу между следователем и оперативником? Один апартаменты обживает, другой шуршит по хозяйству. И так всегда! – Притворно вздохнув, Вадим взглянул на Ревенко, все еще стоявшего посреди комнаты: – Ну что, Евгений, ты пока свободен. Если какой вопрос выплывет, я тебе наберу. Договорились?

– Договорились!

Капитан и майор уже обменялись крепкими рукопожатиями, когда Ревенко спохватился:

– Чуть не забыл. У вас кровати не застелены. Ближе к вечеру Мама Люба придет, чистое белье принесет.

– Чья мама? – переспросил оперативник.

– Общая, – губы капитана растянулись в ироничной усмешке, – познакомьтесь, вам понравится.

– Люба, Люба, Люба, Любаша, – напевал себе под нос Зубарев, наполняя чайник водой из-под крана. – Или там Дуняша была? Ладно, придет, разберемся, чего там за мамулька такая.

Приехавшим из района оперативникам потребовалось двадцать минут после звонка Зубарева, чтобы оказаться в гостиной, которая временно превратилась в комнату совещаний выездной следственно-оперативной группы. Местный участковый, невзрачный, почти полностью лысый мужчина, некоторую импозантность которому добавляли пышные, с заметной проседью на концах усы, прибыл на несколько минут раньше, и потому к моменту появления в доме двух мужчин, одетых в почти одинаковые черные пуховики, чинно восседал за столом, потягивая горячий чай, гостеприимно предложенный ему Луниным.

Оперативники, на взгляд Ильи, были молоды. Слишком молоды для того, чтобы иметь хоть сколько-то ощутимый опыт практической работы. Судя по всему, в районном управлении внутренних дел отнюдь не горели желанием посылать в Нерыбь сотрудников, представляющих, по мнению руководства, хоть какую-то ценность, тем более что сроки командировки были совершенно туманны, а потому пожертвовали теми, от кого и так не было особой пользы. Данное обстоятельство Илью не только не особенно удивило, поскольку ничего другого ожидать и не стоило, но и не очень огорчило. Ему вполне было достаточно Зубарева, в спорах с которым, порой, к удивлению обоих спорящих, появлялась какая-нибудь неожиданная версия, в итоге оказывающаяся той самой единственной правильной тропой, по которой следствию и стоило двигаться. Сопутствующим побочным эффектом данного процесса являлось лишь то, что идей в головах спорщиков рождалось, как правило, больше, чем они сами были в состоянии проверить, так что молодые, полные энтузиазма и еще не истоптанные ноги – это было как раз то, что ему, Лунину, было здесь, в Нерыби, нужно.

– О! Племя младое, незнакомое, – продекламировал Зубарев, делая шаг навстречу вошедшим. – Вы кто будете, орлы?

– Старший лейтенант Макаров, – один из двух молодых людей выступил вперед и пожал протянутую Вадимом руку, – Николай.

– Зубарев, – отозвался оперативник, – Вадим. А вон тот солидный мужчина, – он обернулся, указывая на Лунина, – следователь, Илья Олегович. Очень серьезный товарищ.

Илья молча кивнул, в отличие от Рокси, которая, вскарабкавшись на диван, принялась радостно приветствовать вошедших.

– Кольт, – представился второй молодой человек, чуть ниже ростом и с более короткой стрижкой, чем у первого, – Юрий. Тоже старлей, если это кому-то интересно.

– Интересненько, – растягивая гласные, откликнулся Зубарев, – очень даже интересненько! Илья, ты слышал? У нас тут целая оружейная комната, Кольт и Макаров! Два ствола! Ты когда-нибудь такое видел? Мне даже не верится. Ну-ка, парни, покажите документы!

– Вадик, – Илья раздраженно хлопнул ладонью по столу, отчего тот испуганно задрожал, – ты чего разошелся-то? Снимайте куртки, садитесь за стол, – обратился он к молодым оперативникам. – С Петром Григорьевичем вы уже знакомы?

Кольт и Макаров дружно кивнули.

Совещание, на которое Лунин изначально не возлагал особых надежд, к его удивлению, продлилось значительно дольше, чем запланированные для него первоначально пятнадцать минут.

Направлений, по которым могло идти следствие, оказалось много. Конечно же, оставалась надежда на то, что семнадцатилетняя девушка, решив скорректировать жизненные планы, самостоятельно покинула надоевший ей поселок и, таинственным образом миновав кордон, уехала в Среднегорск, а быть может, куда и подальше. Вполне логичным, во всяком случае, по мнению городских жителей, которые на совещании оказались в большинстве, казалось и выдвинутое предположение, что Алина могла уйти в тайгу и там если и не заблудиться, то, к примеру, подвернуть, а то и сломать ногу и теперь не имеет возможности выйти к людям. Понятно, что сразу же возникал вопрос, а зачем молодой девушке в самом конце октября, когда уже довольно холодно, да к тому же на ночь глядя, идти в глубину леса, причем так далеко, что ее до сих пор не смогла обнаружить ни одна из поисковых групп, но, по настоянию Зубарева, излишние сомнения и рассуждения было решено отложить на более благоприятное для них время. Следующей версией, выдвинутой почти хором молодыми оперативниками, была любовь, причем любовь непременно несчастная.

– Ну а как иначе? Конечно, несчастная.

Макаров оценивающе взглянул на сидящих по другую сторону стола Лунина и Зубарева. Казалось, он не может определиться, попадают ли эти двое уже в категорию стариков, которые ничего не могут понимать ни в любви, ни в женщинах, или еще нет. На сидевшего по правую сторону от него участкового он даже не взглянул, очевидно, возраст и неказистый вид Петра Григорьевича не оставлял ни малейшей возможности в нем сомневаться.

– Было бы у них все взаимно, они бы вдвоем сбежали. Бывает же такое? Одному блажь в голову придет, а другой-то возразить никак не может. Любовь ведь! Но, я так понимаю, больше в поселке никто не исчезал, верно?

– Верно, – тут же согласился Колычев, – остальные на месте.

– Вот видите, – обрадовался лейтенант, – тут, ясное дело, без взаимности вышло. Либо она вдруг кончилась.

– И что, девица у нас эту взаимность верхом оседлала и ускакала на ней? – иронично осведомился Вадим. – В прекрасное далеко?

– Это один из двух вариантов, – ничуть не смутился Макаров. – Если ее отверг парень, то она могла сделать что угодно. И уехать, и руки на себя наложить.

– Руки, – фыркнул Зубарев, – где тогда эти руки, хотелось бы знать. Да и остальное, что к ним прилагается. Поверь мне, когда все эти обделенки вешаться решают или, к примеру, топиться, они всегда так делают, чтобы их могли найти. И чем быстрее, тем лучше. Так сказать, до наступления стадии активного разложения. Записочку оставляют, мол, так и так, я ухожу,

а вы поплачьте. Человек же как думает – раз он при жизни никому не нужен оказался, так, может, хоть после смерти о нем кто грустить будет.

– Хотя, коли о тебе живом не особо думали, то уж о мертвом и подавно никто не вспомнит, – вздохнул участковый.

– А что со вторым вариантом? – Илья решил прервать явно не имеющие отношения к делу философские размышления. – Она бросила его, так?

– Конечно, – лейтенант энергично тряхнул головой, отчего его светлая, с пшеничным оттенком челка весело разметалась по лбу, – она бросила, а он не простил.

– И убил?

– А почему нет? – включился в разговор второй из районных оперативников. – Запросто! Хотя убить, конечно, мог и за другое.

– Например?

Кольт на мгновение задумался, затем, один за другим загибая пальцы, начал предлагать варианты:

– У них шло к сексу. Шло, шло, наконец, дошло. В последний момент девчонка испугалась, а парень уже был, так сказать, на волне. Ну и все. Что мы имеем? Правильно, изнасилование. Девочка говорит, что все скажет папе, а мальчик, испугавшись папу и всего, что потом последует, бьет ее по голове чем-то тяжелым. Это раз. Но могло быть наоборот. С сексом все удачно. Причем настолько, что девочка говорит мальчику, что он сам скоро станет папой. Ну а дальше мальчик пугается и, как полагается, бьет девочку по голове. Это два.

– Короче, нам надо искать пугливого мальчика, – подытожил Зубарев.

– Это не обязательно был ее ровесник, – возразил Илья, – если у нее была связь со взрослым мужчиной, то вот эти ваши варианты, где непременно тяжелым по голове, вполне вероятны.

– Ну а что, папашу мы рассматривать не собираемся? – спохватился вдруг Вадим.

Лунин покачал головой, недовольно взглянув на приятеля, затем перевел взгляд на участкового. Уловив его взгляд, Колычев разгладил рукой усы, но, как показалось Илье, предназначением жеста было скорее скрыть появившуюся на лице улыбку, а не забота о безупречности собственной внешности.

– Петр Григорьевич, – Илья решил, что, раз уж заданный Зубаревым вопрос достиг ушей Колычева, несомненно хорошо знакомого с Кнолем, стоит попытаться передать дальнейшую инициативу самому участковому, – хотели мы с вами посоветоваться. Сами понимаете, когда исчезают несовершеннолетние, следствие не может не обратить внимание на семью пропавшего ребенка.

– И правильно делает, – к удивлению Ильи, уверенно отозвался Колычев, вновь погладив щетинистую полоску над верхней губой. – Если человек пропал не случайно, то бишь его не задрал медведь али еще какой первый встречный, то, значит, к этому были какие-то предпосылки. Он же, гром, не берется из ниоткуда. Должна вначале туча собраться. И что же, те, кто с этим человеком под одной крышей живут, эту тучу не углядели? Не бывает такого!

– Святой ты человек, – ухмыльнулся Зубарев, – я тебе так скажу – еще не то бывает. Ты представляешь, сколько малолеток из дому ноги делает? Тысячи! У нас только по городу каждый день мамаша с заявлением прибегают. И знаешь что говорят? «Ничто не предвещало!» Дословно, все как одна. Никто ничего не видит, не слышит и не чует. Это, знаешь, как мясо жарить: когда дым почуял, оно уже сгорело.

– У тебя у самого-то дети есть? – Колычев оценивающе приподнял бровь, разглядывая оперативника. – Сам вижу, что нет. Дети – это тебе не мясо. Говоришь, не видят? Я тебе отвечу – не хотят видеть. Разницу улавливаешь?

– Так, Петр Григорьевич, – опасаясь, что Зубарев вновь разразится длинной и не имеющей прямого отношения к делу тирадой, Илья поспешил вновь вступить в разговор, – в целом, я думаю, всем все понятно. А в данном конкретном случае?

– А что в данном случае? – удивился участковый. – Разговаривать надо с ними, серьезно разговаривать. Причем с обоими. И с Аркадием Викторовичем, и с Олежкой. Только с парнем надо так говорить, чтобы отец не присутствовал. При отце вы и слова из него не вытянете.

– Ну, это не проблема, – оптимистично отозвался Вадим, – он же в выпускном классе уже, так что всяко за шестнадцать перевалило. Можем допрашивать без родителей на полном законном основании.

– Допрашивать, – осуждающе покачал головой Колычев, – у парня сестра пропала. Близняшка! А ты – допрашивать. С ним говорить надо! По душам говорить, может, тогда он чего дельного да и вспомнит.

– А знаешь ли ты, дорогой наш Петр Григорьевич, – Зубарев холодно улыбнулся, было видно, что замечание, высказанное участковым, пришлось ему не по нраву, – что говорит статистика?

– И что же она тебе говорит, человек хороший? – Подперев щеку левой рукой, Колычев уставился на оперативника с видом семилетки, пришедшего в школу на первый урок.

– То и говорит, – встав из-за стола, Вадим выпрямился в полный рост и с наслаждением потянулся, отводя локти назад, так что в позвоночнике у него что-то захрустело, – в половине случаев, даже больше половины, поверь мне на слово, если с детьми что-то происходит, и это я тебе не про грудных детей сейчас говорю, про подростков, так вот, если с ними что-то случается, чаще всего оказывается виноват кто-то из родителей. А то и оба. Мысль улавливаешь?

– Пока работает, – Петр Григорьевич постучал указательным пальцем себе по лбу, – улавливатель. Только мать-то у них три года уж как погибла, так что оба у тебя никак не получатся.

– Но отец-то живой, – усмехнулся Зубарев и, прихватив со стола свою кружку, направился в сторону кухни.

Некоторое время четыре оставшихся за столом человека сидели молча. Молодые оперативники переглядывались между собой, Лунин безуспешно пытался взглядом прожечь отверстие в спине доливающего воды в чайник Вадима, а Колычев, откинувшись на спинку стула, разглядывал висящую под потолком люстру.

– Вон оно как, – наконец пробормотал Петр Григорьевич, – вон оно к чему, значит, вы ведете.

– И к чему же оно, по-вашему, идет? – уточнил Илья.

– У человека дочка пропала, может, и не жива уже, а вы его же крайним хотите выставить.

От возмущения участковый повысил голос, так что даже шум закипающего чайника не помешал Зубареву услышать произнесенную Колычевым фразу.

– Во как! «Вы ведете». А себя, значит, уже отделить успел? Если ты так сильно о Кноле заботишься, иди к нему, он тебе подыщет местечко.

– А я со своим местечком сам разберусь, без подсказчиков, – вскинулся Колычев.

– Ну хватит!

Деревянный стол содрогнулся от удара двух обрушившихся на него одновременно ладоней. Вскочивший на ноги Лунин, упираясь руками в столешницу, походил на упитанного молодого бычка, готового броситься в бой, чтобы доказать право на свое лидерство в стаде.

– Хватит, – чуть тише повторил Илья, убедившись, что внимание присутствующих приковано только к нему. – Ребенок пропал, а мы здесь меряемся, у кого... язык длиннее. Слушайте, кто чем завтра займется. Молодежь, – он ткнул пальцем в сторону Кольта и Макарова, – вы с самого утра выдвигаетесь в школу.

– Сейчас вроде каникулы, – возразил Кольт.

– Вот и хорошо, значит, все свободны. В любом случае из администрации кто-то в здании будет. Возьмете списки учеников и начинайте опрашивать одноклассников. Всех, поголовно. Говорила ли Алина, что хочет уехать, были ли последнее время перемены в поведении, что-то странное, в общем, все, за что зацепиться можно. Особый упор – узнаем, кто у нее был в подружках, ну и был ли кавалер или тайный воздыхатель. Если узнаете, что она с кем-то общалась из других классов, тоже опрашиваете. Если вдруг промелькнет кто-то из взрослых, вначале даете информацию мне, потом будем решать. Я правильно понимаю, что вопросов у вас нет?

– Абсолютно, – торопливо заверил его Макаров.

– Хорошо. Работаем тщательно, но в темпе. Задача на завтра – опросить по максимуму. Утро, день, вечер – роли не играет. Как управитесь, жду здесь с отчетом. Если всех не успеете, то все равно приходите часиков в девять.

Щелкнул, выключаясь, чайник.

– Мне тоже кофе налей, – скорее приказал, чем попросил Лунин, – и параллельно слушай. С утра идешь к учительнице музыки, уточнишь, в какое время Алина ушла, ну и опять же, что у нее с настроением было, может, на что-то обратила внимание. Узнай, если она в курсе, у кого еще Алина занималась из репетиторов. Их надо тоже опросить. Все же люди по полтора-два часа сидят вместе, мало ли, вдруг что-то в разговоре проскочило.

– Опрошу, – Вадим поставил чашку на стол перед Луниным, – если быстро управлюсь, могу потом к парням подключиться. В школе-то у них фронт работы немереный.

– Так и сделаем, – попробовав кофе, Илья удовлетворенно кивнул, – только сперва зайти еще в местное кафе.

– Это которое «Шансон»?

– Которое «Шансон». Поговори с персоналом про тот день. Видел ли кто Алину, подходила ли она к отцу, может, кто разговор слышал? Опять же, вдруг есть видеозапись. Не думаю, что там что-то выстрелит, но отработать все равно надо. Теперь вы, Петр Григорьевич. Такой вопрос – вы соседей этой, как ее...

– Колесниковой? – угадал участковый.

– Колесниковой. Вы ее соседей опрашивали? Кто-то видел, как девочка выходила после занятий?

– Опрашивал. И не только соседей. У меня вот список домов есть, – Колычев раскрыл записную книжку, одна из страниц которой была почти полностью заполнена цифрами, почти треть из которых была перечеркнута, – в субботу ходил, воскресенье, ну и сегодня до обеда прошелся. Но пока без толку.

– Сколько всего народа живет в поселке?

– Почти пять тысяч. Всех за день не обойдешь. Хотя, конечно, и так все знают, что случилось. Думаю, если бы кто что видел стоящее, сам пришел бы.

– Может, и так, – согласился Лунин, – но надо еще походить. Вернее будет.

– Похожу, – кивнул Колычев, – чего ж не походить-то. А если что иное потребуется, так вы говорите, я все сделаю.

– Непременно. – Илья хотел было уже отпустить участкового, но в последний момент вспомнил об еще одном интересовавшем его обстоятельстве. – Скажите, год назад, когда пропала другая девочка, вы здесь были?

– А где ж еще? Я тут уже лет двадцать как в участковых. Пять начальников колонии при мне сменилось. Вру, шесть! Двое на повышение ушли, трое на пенсию, а одного посадили. Но это еще давно, годов пятнадцать назад было.

– И что, тогда тоже никто ничего не видел, не слышал?

– Никто, – подтвердил участковый, – но тогда и уехать из поселка проще было. Про карантины никто и слыхом не слыхивал, автобус до города каждый день бегал. Да и, если

честно, Ритку и не искали почти. Ей тогда шестнадцать только исполнилось, но уж больно девка резвая была, все во взрослую жизнь торопилась. Я вот подумал, вдруг вы ею интересоваться будете, захватил фотографию. – Колычев достал снимок, лежавший промеж страниц записной книжки. – Красивая деваха, глаза-то вон какие, утонуть можно. Но я вам так скажу, там, и кроме глаз, было на что посмотреть.

– Григорич, да ты ценитель юного тела, – усмехнулся Зубарев, – а с виду приличный человек, с усами.

Колычев вопросительно взглянул на Лунина.

– А что, кроме этого балабола, других оперов в области не нашлось? Или начальство не знало, как от него избавиться, сюда ткнуло?

– Сказали, что лучший сотрудник. – Бросив оценивающий взгляд на Вадима, Илья с сомнением покачал головой. – Думаете, обманули?

– Раскудахтались, – беззлобно погрозил им кулаком Зубарев, – ты давай, Григорич, лучше дальше рассказывай, где там еще у этой девицы тонуть можно было.

– Я сам-то не плавал, – губы участкового растянулись в добродушной улыбке, – врать не буду, но пацаны с ее класса за ней через одного бегали. Да только Ритке с ними, говорят, не интересно было. Ей вообще в поселке не шибко интересно казалось. Как говорится, огни большого города, они ведь манят. Вот и ее манили. Так что сто процентов дать, конечно, нельзя, но, скорее всего, она и впрямь в город укатила, а уж чего там с ней приключилось, никому не ведомо, может, и ничего хорошего, раз за год ни одной весточки не прислала.

– Она училась вместе с Алиной? – Илья делал быстрые пометки в своем блокноте.

– Да, в одном классе, – подтвердил участковый.

– Я вот думаю, – неуверенно вступил в разговор Макаров, – если эти дела и впрямь как-то связаны и девушек действительно убил один человек...

– То он больной на всю голову, – фыркнул Вадим. – Или оборотень. В полнолуние превращается в волка и съедает молодую девицу. Это мы и без тебя знаем. Только пока фактов, что убийца один и тот же, у нас нет. Мы даже не знаем, было ли убийство. Хоть одно! Эту вашу полную луну к делу не подошьешь, хотя, – он ехидно взглянул на Лунина, – с такой фамилией следователя можно и попытаться.

– У меня немного другая мысль, – лейтенант наконец решил продолжить, – если их убивает один человек, и этот человек, скажем так, не совсем здоров, возникает вопрос: откуда он взялся? До этого же в поселке ничего подобного не происходило. Может быть, надо отследить тех, кто переехал сюда последние три-четыре года?

– А может быть, это подросток кто-то из одноклассников этих девиц, – подхватил Зубарев, – а может быть, этот маньяк сорок лет терпел, а на сорок первом не выдержал. Может быть что угодно. И кто угодно. Вон, смотри, наш участковый как притих. А что, если это он порешил обеих? А теперь сидит, слушает, как мы расследование вести будем.

– Нет, я понимаю, у тебя во рту пропеллер, но это уже перебор! – возмутился Колычев.

– Да ладно, Григорич, – хлопнул его по плечу оперативник, – это же я к слову, чтоб молодежь понимала – нельзя на какой-то одной версии замыкаться. Сперва надо во все стороны посмотреть, башкой покрутить.

– Это хорошо, Вадим, что ты это понимаешь, – Лунин вновь, на этот раз более спокойно, поднялся из-за стола, – пока все. Завтра, если будут какие-то новости, сразу звоните, – он положил на стол несколько визиток, – если нет, то собираемся здесь в девять.

Когда оба лейтенанта, а вслед за ними и участковый ушли, Зубарев подошел к окну, за которым сквозь серые вечерние сумерки на землю медленно спускались с неба белые пушистые хлопья.

– А мою версию, насчет Кноля, ты, значит, игнорируешь. – В голосе его звучала обида.

– Это ты как определил? – Илья удивленно взглянул на стоявшего к нему спиной Вадима.

– Что тут определять? – Зубарев наконец отвернулся от окна и недовольно взглянул на Лунина. – Задания господин начальник всем раздал. Что-то фамилии Кноля я там не услышал.

– Фамилию Кноля, – улыбнулся Лунин, – господин начальник оставил самому себе, причем дважды. Хочу с утра побеседовать с Олегом, ну а потом еще раз пообщаюсь с Аркадием Викторовичем. Тебя устраивает?

– А это я тебе скажу по результатам твоего общения, – ухмыльнулся Вадим, – доложишь мне потом, чего интересного тебе поведают.

– Непременно, – пообещал Илья. – Я вот думаю, может быть такой вариант, что исчезновение девочки связано с работой Кноля. Что скажешь?

– Ну а что, идея хорошая, – одобрил Вадим. – Должность у полковника скользкая. Возможностей много, а запретов еще больше, но поскольку мужик он тертый, наверняка в какие-нибудь дебри забраться успел. Но тогда получается, его шантажируют?

– Может быть, – пожал плечам Илья, – а может быть, еще нет. Ждут, когда он дойдет до нужной кондиции. Мне, правда, не очень понятно, чего от него можно такого требовать, чтобы ради этого похищать ребенка. Освободить раньше времени он все равно никого не может. Побег?

– Тоже вряд ли, – Зубарев с сомнением покачал головой, – одному такое не провернуть, даже хозяину. А брать кого-то в долю – гиблое дело. Сдадут. Я вообще не припомню, чтобы что-то подобное у нас было. Если эту тему копать, то надо со стороны денег заходить. Ты поселок видел?

– И что?

– «И что?» – передразнил оперативник. – Ты, как адвокат, вопросом на вопрос отвечаешь. Я тебя тогда по-другому спрошу. Ты еще такие поселки при зонах видел? Лично я – нет. А я поездил, несколько раз допрашивал, так сказать, по вновь открывшимся обстоятельствам. И я скажу тебе, как правило, это такой гадюшник, что не знаешь, по какую сторону забора жить хуже. То, что здесь деньги крутятся, и деньги хорошие, это точно. И, зуб даю, рулит этими деньгами Аркадий Викторович по своему усмотрению. Не всеми, конечно, что-то наверх уходит, что-то в казну перепадает. Вот, может, какой-то охламон тоже решил к этому ручейку присосаться.

– Тогда непонятно, что потом будет. Вот представь, пошел Кноль на уступки, дочку ему вернули. Она через полгода в Москву уедет, в консерваторию. А если он такими деньгами крутит, то может и куда подальше отправить, где ее точно не достанут. Все! Руки у него развязаны. Что дальше?

– Откуда ж я знаю. – Вадим картинно развел руки в стороны. – Замов Кноля надо потрясти как следует, может, кто что интересного и расскажет. Особенно бухгалтера и директора промки.

– Кого?

– Зама по производству, его обычно директором промзоны все называют. Он к деньгам, может, сам выход и не имеет, но хотя бы расскажет тебе, чем они тут занимаются, – Зубарев усмехнулся, – если, конечно, Кноль даст тебе с ним пообщаться.

Громкий стук в дверь заставил оперативника прервать свои рассуждения.

– Заходите! – Илья двинулся в сторону открывающейся двери и тут же застыл от изумления.

Сперва в дверном проеме показалась огромная голова, украшенная копной густых, абсолютно белых волос, а вслед за ней в комнату не вошел, а скорее протиснулся ее обладатель.

– Кинг-Конг жив, – оторопело пробормотал за спиной у Лунина оперативник.

Стоявший у двери мужчина лет пятидесяти поражал своими размерами. Лунин впервые видел человека, смотреть на которого ему приходилось, высоко задрав голову. При этом телосложение гиганта вполне соответствовало его росту – широкие плечи, мощная выпирающая

из-под телогрейки грудная клетка, неестественно огромные кисти рук с толстыми, покрытыми темными волосами пальцами.

– Ты кто, родной? – первым пришел в себя Вадим, на всякий случай коснувшись пальцами висящего под мышкой табельного «макарова».

– Люба. – Голос великана прокатился по комнате, со звоном отразившись от оконных стекол.

– Мама? – Брови оперативника скакнули вверх от изумления.

– Мама, – мощный рокот исходил почти из-под самого потолка. – Мама белье принес. Белье чистое. Мама сам стирал.

Огромная рука потянулась к Лунину и замерла в нескольких сантиметрах от его лица. На вытянутом указательном пальце покачивался большой желтый пакет, похожий на те, в которых Илья обычно приносил домой покупки из супермаркета.

– Бери, – добродушно послышалось сверху, и Илья осторожно стянул с волосатого пальца целлофановые ручки.

Заглядывать в пакет Лунин не стал, поскольку не в силах был отвести взгляд от огромной, пусть и не делающей ничего угрожающего, но тем не менее внушающей страх фигуры.

– Завтра похолодает, – неожиданно сообщил Илье великан. – Завтра дрова принесу.

Указательный палец, все еще застывший перед лицом Лунина, по плавной траектории двинулся в сторону и наконец указал на стоящую в углу гостиной небольшую обложенную кирпичом печь.

– Завтра топить будем! – торжественно провозгласил гигант, повернулся спиной к Лунину и, согнувшись в три погибели, вновь протиснулся в дверной проем, на этот раз покидая гостиную.

– Это сейчас что было? – первым, спустя примерно минуту, пришел в себя Зубарев.

– Мама, – Илья наконец заглянул в желтый пакет, – Мама Люба. Белье принес.

– Из области приехал следователь.

Плечи Анны, стоявшей спиной к кухонному столу, испуганно вздрогнули. Кое-как совладав с собой, она разлила чай по кружкам.

– Тебе с сахаром? – машинально спросила она.

– Ты же знаешь, что нет.

Действительно, она знала. Как она могла не знать привычки любимого мужчины? Но сейчас ей казалось, что все знания, все мысли вылетели из головы, уступив место только одному чувству, переполняющему сознание, – чувству страха.

– Мы должны сказать, – с глухим стуком обе наполненные горячим чаем кружки опустились на стол, – сказать правду.

– И что потом? – Отрезав еще один кусок хлеба, он положил нож на разделочную доску и уставился на нее так, словно увидел что-то неприятное. – Ты представляешь, что будет потом?

– Не знаю, – слова с трудом вырывались из грудной клетки, буквально продираясь через пересохшее горло, – я не знаю, что будет. Я знаю только, что я так не могу. Я должна сказать правду. Понимаешь, должна! Они все должны знать...

– А помолчать ты не можешь? – Он с силой стиснул рукоятку ножа, а затем медленно, как показалось Анне, словно в замедленной съемке, встал и выпрямился во весь рост.

Глава 6

Пожар

– Еще не спите? – Голос участкового был еле слышен на фоне странного, не прекращающегося ни на секунду шума.

– Да вроде рано еще. – Машинально взглянув на часы, Илья отметил, что стрелки показывают четверть десятого.

– Тогда одевайтесь и выходите на улицу, да товарища своего прихватите. Как выйдете, так направо и, считай, до конца улицы.

– Что-то случилось? – Илья вышел из спальни, и теперь к шуму в телефонной трубке добавились голоса, доносящиеся из включенного на полную громкость телевизора.

– Случилось... беда у нас случилась. – Колычев почти кричал. – Дом Колесниковой горит.

– А она сама? – Илья стал торопливо спускаться по лестнице.

– Так и она вместе с домом, – отозвался участковый. – Только, я думаю, она угорела уже, а дом-то еще долго гореть будет, пока не потушат. Так что подходите, лейтенантам я сейчас тоже наберу.

И шедшая на убыль луна, и сотни, если не тысячи звезд, казалось, все сияли с удвоенной яркостью, сияясь рассмотреть хоть что-нибудь за густым черным столбом дыма, вздымающимся вверх к воронено-синему ночному небу. Столб этот был замечен с любого края поселка, и выскочившие на улицу Зубарев с Луниным бегом устремились туда, где и без них уже было шумно, многолюдно и, как положено при пожаре, бестолково. Когда стало ясно, что бежать придется не так уж и близко, возвращаться к машине уже не имело смысла. Улица, носившая имя Розы и прилагавшаяся к ней фамилию Люксембург, растянулась вдоль берега реки почти на три километра. Коттедж, в котором поселили приезжих сыщиков, располагался ближе к ее началу, в то время как дом Анны Андреевны находился в самом ее конце.

Первым с неуклюжей трусцы на шаг перешел запыхавшийся Лунин. Расстегнув молнию на пуховике и жадно глотая воздух, он видел, как Зубарев пробежал вперед еще метров двести и обернулся. Согнувшись и упираясь руками в колени, оперативник сделал несколько глубоких вдохов, после чего зашагал в сторону красно-оранжевых всполохов, озаряющих ночное небо.

К их приходу пожар уже был фактически потушен, а собравшаяся вокруг толпа перестала увеличиваться в размерах, поскольку почти все любопытные уже успели добраться к месту происшествия и теперь находились в томительном ожидании. Конечно, некоторые из присутствующих как могли утешали соседей Колесниковой, проживавших в другой половине дуплекса и еле успевших выскочить на мороз из полыхавшего дома. Но и они с нетерпением ждали, когда же прояснится судьба двадцатилетней школьной учительницы музыки Анны Колесниковой. С каждой минутой уверенность в том, что рано или поздно под обломками сгоревшего дома обнаружится тело несчастной женщины, становилась все крепче, поскольку каждому из не скольких десятков сбежавшихся на пожар людей было ясно – если бы Колесникова была жива, она бы тоже стояла сейчас вместе с ними, заламывая в отчаянии руки, а быть может, и громким, навзрыд плачем провожая последние минуты умирающего у всех на глазах дома.

Обгоревшее до состояния угольной головешки тело удалось обнаружить лишь после того, как проливка здания была завершена и удалось поднять несколько железных листов и часть балок обрушившейся крыши.

– Здесь она, на кухне, – сообщил Лунину участковый, коротко переговоривший с командиром пожарного расчета, и добавил, словно у кого-то могли остаться сомнения, – неживая.

– Одна? – уточнил Илья и тут же, оглянувшись, поманил к себе пальцем стоявших поблизости оперативников.

– Вроде одна, – кивнул Колычев, – сейчас еще несколько листов вынесут, тогда ясно будет.

– Скажи им, чтобы тело не трогали, да и вообще, как убедятся, что больше никого нет, пусть сразу выходят. – Отпустив участкового, Илья повернулся к оперативникам: – Значит, так, парни, ночь будет бессонной.

– Это мы уже поняли, – как показалось Илье, голос Макарова звучал неестественно бодро, – похоже, одним свидетелем у нас стало меньше.

– Главное, чтобы остальные до утра дотянули, а то допрашивать некого будет. – Колыт хохотнул в ответ и хлопнул напарника по плечу.

– Вы чего, орлы, уже стволы спиртиком протереть успели? – Ухватив каждого из молодых коллег за воротник куртки, Зубарев рывком притянул их к себе и принялся. – Ну точно, уже надребенькались.

– Ничего мы не дребенькались, – безуспешно попытался вырваться Колыт, – коньяка была фляжка, и та четвертинка. На двоих-то всего по сто с небольшим.

– Холодно ведь стоять, ноги мерзнут, – попытался оправдаться Макаров.

– Ну ничего, теперь вы согретые, можете место преступления до утра охранять, – ухмыльнувшись, Вадим оттолкнул от себя растерянных лейтенантов, – во всяком случае, до приезда криминалистов. Задача ясна?

– Так, может, и не было никакого преступления, – попытался возразить Макаров, – соседи говорят, у нее газовый баллон рванул. Оттого все разом и полыхнуло.

– Вот криминалисты и разберутся, что у кого полыхнуло, а пока будете стоять и не пущать. – Зубарев вопросительно взглянул на Илью: – Я ж правильно говорю? Хуже нет, чем когда свидетели загибаться начинают.

– Да уж, – Илья хотел было привычно вздохнуть, но, подумав, счел, что обстановка для вздохов не самая располагающая. – Будьте здесь, смотрите, чтобы к дому никто не лез. А я пойду.

– Лунин, у тебя совесть есть? – оторопел от такой наглости Вадим. – Куда ты пойдешь?

Сделавший уже несколько шагов Лунин обернулся и укоризненно покачал головой.

– Машину пригоню. Или что, всю ночь на морозе стоять будем?

Широким шагом Илья направился в сторону предоставленного им коттеджа. Отойдя от никак не желавшей расходиться толпы на несколько десятков метров, он достал из кармана телефон и набрал номер генерала Хованского.

– Ты что, Лунин, уже дело раскрыл? – Хованский начал общение на оптимистичной ноте.

– Добрый вечер, Дмитрий Романович, – блеснул в ответ воспитанием Илья.

– И тебе здорово, – буркнул генерал. – Чего звонишь на ночь глядя?

Илья, стараясь не сбавлять ширины шагов, обрисовал Хованскому сложившуюся ситуацию. Выслушав его, генерал некоторое время молчал, а затем иронично заметил:

– Ну что, это нормально. Лунин, там, где ты, там всегда разрушения и гибнут люди, особенно женщины.

Илья еще больше ускорил шаг, шумно вдыхая морозный воздух.

– Ладно, ты не сопи там, – в голосе генерала послышались обычно не свойственные ему извиняющиеся интонации, – будем считать, что последней фразы у нас в разговоре не было.

– Будем, – не стал спорить Лунин.

– Вот и хорошо, – повеселел Хованский. – Я ж так понимаю, ты не так просто на ночь глядя со мной информацией решил поделиться. Ты ведь, поди, чего-то хочешь? Излагай, пока я в настроении.

– Я так думаю, дела надо объединять в одно производство.

Зацепившись о какое-то невидимое под снегом препятствие, Илья чуть было не упал, но кое-как сумел удержать равновесие, нелепо взмахнув руками.

– Ты даже не знаешь, из-за чего пожар приключился, – возразил Дмитрий Романович. – У нас что, баллоны редко взрываются? Да каждый год штук по пять бабахает. И что, все их объединять будем?

– Вот я и разберусь, – упрямо отозвался Лунин, – если что, разъединим.

– Слушай, Лунин, ты борщ с гречкой ел? – удивил неожиданным вопросом начальник областного управления. – Вот не так чтобы из одной тарелки борщ, а из другой потом гречку, а разом, все вместе.

– Не пробовал, – честно ответил Илья, безуспешно пытаюсь понять, в какую сторону вдруг повернулся разговор.

– А я пробовал. Давненько уже. Еще в детстве. Говорят, есть такой рецепт старый, что гречку в борщ добавляют, когда варят. А батя у меня не так делал. Он просто брал миску поглубже, наливал в нее борща, а потом, значит, сверху гречку сыпал. А может, наоборот, сперва гречку клал. Я уж не помню, давно было. Помню только, навалит он себе этого дела полную тарелку и сидит уминает. И меня, дело прошлое, так есть заставлял.

– Дмитрий Романович, – не вытерпел наконец Лунин, – я не очень понимаю, при чем здесь гречка.

– А вот это правильный вопрос, – одобрил Хованский. – Ни при чем она здесь. Совершенно. Так же, как и твоя Колесникова. Не надо, Лунин, пытаться все в одну тарелку впихнуть. Особливо неопишемое.

– Но ведь ему нравилось, – только и смог разочарованно пробормотать Илья.

На несколько мгновений телефонная трубка замолчала.

– Нравилось, – наконец послышался голос генерала, – ему нравилось.

– А вам? – на всякий случай решил уточнить Лунин.

– Да не помню уже, давно это было. – Хованский вздохнул. – Ладно. Сделаем так. Пусть эксперты на месте посмотрят все как следует. Если будут какие-то зацепки, тогда дела объединим. А пока пусть районный следователь бумажки заполняет. Тебе, думаю, кроме этого есть чем заняться. У тебя все?

– Не совсем, – заторопился Лунин, – еще вот это дело по исчезновению Слепцовой. Это та девочка, которая год назад пропала. Мне бы на материалы дела взглянуть.

– Как у тебя все просто. Взглянуть! – фыркнул Хованский. – Тебе что, его на дом привести надо? Ты, Илюша, это себе как представляешь?

– Я могу поехать в район, ознакомиться с делом там. Но это займет у меня день минимум. – Илья прислушался к молчанию в трубке. – Или не могу?

– Не можешь, конечно. – Генерал энергично выругался, вспомнив несколько выражений, эффектно звучащих, но не несущих особенной смысловой нагрузки. – Ладно, будет тебе дело. Я позвоню, завтра привезут. Теперь все?

– Ну что вы, я только начинаю, – почувствовав, что начинает задыхаться, Илья пошел медленнее, – лучше, если тело на вскрытие к нам заберут, не в район. Так что хорошо бы к утру машину с медэкспертом и криминалистом. Лучше Карпольцева, он самый опытный.

– Боюсь, Илюша, ты переоцениваешь мои возможности, – хмыкнул генерал, – машину-то мы без проблем организуем и людей отправим, раз уж так вышло.

А вот насчет Карпольцева не обещаю. Заставить его на ночь глядя тащиться черт знает куда... Я тебе так скажу: мне самому проще приехать.

Илья промолчал, давая возможность Хованскому самому принять решение.

– Ладно, – Дмитрий Романович вздохнул, смирившись с неизбежным, – поговорю я со стариком. Но если все зря окажется, ты, Лунин, пожалеешь, что вообще мне сейчас позвонил. Перспектива ясна?

– Как никогда! Спаси...

Телефон, уже несколько раз предупредительно попискивавший, издал еще один, жалобный стон и отключился. Илья сунул трубку в карман, решив, что генерал как-нибудь сумеет подобрать последний слог к так и недоговоренному слову.

Выспаться ночью не удалось никому. Решив, что оставлять молодых оперативников в теплой машине наедине друг с другом и наверняка припасенной очередной фляжкой с коньяком будет неправильно, Илья бесцеремонно ткнул пальцем в Макарова.

– Ты. Остаешься здесь. – Лунин распахнул дверь «хайлендера», в котором, откинув спинку пассажирского сиденья, уже удобно устроился Зубарев. – Вадим, вот тебе напарник. Четыре часа дежурите вы, потом мы с Кольтом вас сменим.

– Без проблем, – флегматично отозвался оперативник и поманил пальцем лейтенанта. – Чего стоишь? Садись, погреешься.

– Вы только тут сильно не перегревайтесь, – настоятельно посоветовал Илья, – мне надо, чтобы к дому никто не совался. Я звонил Кнолю, он обещал прислать пару человек с машиной. Пусть станут так, чтоб фарами лучше подсветить, но сами внутрь пусть тоже не лезут.

– Ох, Лунин, что бы я без твоих советов делал. – Демонстративно зевнув, Зубарев захлопнул дверь, давая понять, что в дальнейших инструкциях не нуждается.

– Ты, – Илья повернулся к прыгающему то на одной, то на другой ноге Кольту, – идешь спать. В три тридцать жду тебя здесь. Все понятно?

– Понятно, – поспешно кивнул лейтенант и тут же растворился в окружающей Лунина темноте.

Достав из багажника предусмотрительно прихваченный в поездку мощный фонарь с длинной рукояткой, Илья подошел к почерневшим руинам сгоревшего дома. Неуверенно потоптавшись на крыльце, он прошел внутрь. Сделав всего несколько шагов, Илья пожалел о своей идее. Ноги по щиколотку проваливались в угольно-черную, постепенно замерзающую кашу. Взглянув на недавно купленные зимние ботинки, Илья с грустью подумал, что поверх обуви стоило бы натянуть бахилы или хотя бы какие-нибудь пакеты.

Планировка в доме Колесниковой отличалась от той, что была в предоставленном Илье коттедже. Она была более традиционной: с обособленной от гостиной некогда достаточно просторной кухней, теперь заваленной грудями разломанной мебели, рухнувшими вниз балками перекрытия и покореженными, скрюченными стальными листами кровли. Кое-что пожарные все же вынесли, и благодаря их усилиям Лунин в ярком круглом пятне светового луча мог беспрепятственно видеть обгорелое тело, сидящее на полу прямо у самого входа в кухню. Тело именно сидело, прислонившись спиной и затылком к стене и безучастно глядя прямо в ослепляющее светодиодное пятно фонаря пустыми глазницами, содержимое которых бесследно исчезло в яростно бушевавших не так давно в этом доме клубах пламени.

Не в силах выдержать этот равнодушный, но в то же время укоризненный взгляд, Илья отвел фонарь в сторону, а затем, осторожно ступая, начал пробираться к выходу. Делать ему здесь было нечего. Надо было дожидаться приезда медиков и криминалистов. Только они могли дать какую-то, возможно, полезную для раскрытия дела информацию. Надо было идти спать.

Глава 7

Утро вторника

Хованский не подвел. В четверть девятого, когда солнечный диск только-только показался из-за макушек окружавших поселок сосен, к месту пожара подъехал темно-серый микроавтобус «фольксваген» с тянущимися по бортам красными полосками и надписью: «Следственный комитет». Следом за ним подползла выкрашенная в синий цвет «газель». Хотя вторая машина не несла на себе ни полос, ни выполненных по трафарету надписей, предназначение ее было понятно. «Фольксваген» привез экспертов, на нем же они, завершив свою работу на месте предполагаемого преступления, вернутся обратно в Среднегорск. Анна Колесникова удостоится чести ехать в персональном автомобиле с личным водителем. То, что не по карману живым, порой оказывается доступным для мертвых, подумал Лунин, подходя к остановившемуся микроавтобусу, хотя, думается, именно живые выступили бы против идеи ехать в город всем вместе на одной машине.

Сонные, еще толком не пришедшие в себя люди выбирались из микроавтобуса, зябко пожевываясь и на ходу застегивая под самое горло молнии и пуговицы на своей верхней одежде.

– Лунин! – заметил Илью первым выскочивший на снег Карпольцев и тут же тягуче, растягивая до предела букву «у» повторил: – Луууууу...нин!

Криминалист обернулся к своим спутникам и, грозно выставив в сторону Ильи худую длинную руку, сообщил:

– Вот, полюбуйтесь! По милости этого, как он себя полагает, следователя нам с вами вместо нормального человеческого сна в мягких, созданных для этого прекрасного времяпровождения кроватях пришлось провести ночь, трясаясь по бездорожью и глядя в лицо ночной мгле и холоду, заставляющему птиц падать на лету.

– Рад вас видеть, Михаил Петрович, – Илья протянул руку криминалисту, – смотрю, вы сегодня поэтично настроены.

– А чего же? – Карпольцев хитро прищурился, разглядывая Лунина, а затем, хоть и с небольшим, но все же не оставшимся незамеченным присутствующими промедлением пожал протянутую ему руку и выразительно продекламировал:

Люблю я русскую деревню!
И сеновал, и сенокос.
Щипать доярок настроенье,
Лишь бы не вляпаться в навоз!

– Мощно! – пробормотал Илья, пытаясь понять, что именно – несколько часов, проведенных в дороге, вид выгоревшего дотла здания или воздействие неучтенных препаратов из хранилища вещдоков привели обычно мрачного и всем недовольного эксперта в столь благодушное состояние. – Вы меня с коллегами познакомите?

– С коллегами? – изобразил изумление Карпольцев. – Где вы тут, юноша, коллег увидели? Случайные попутчики, не более того. К тому же, чего вам знакомиться? Мы ведь приехали, сейчас скоренько на все глянем и уедем. Потом, недельки через две, каждый свое заключение пришлет. Вот там в бумажках и посмотришь фамилии, кто чего подписал.

Взглянув на неподвижно стоящего перед ним Лунина, загораживающего ему путь к сгоревшему дому, Михаил Петрович цокнул языком и снисходительно похлопал следователя по плечу.

– Ладно, смотрю, ты не в настроении. Знакомься. Андрей Леонидович, наш новый мед-эксперт. Из Иркутска только недавно к нам перебрался. Сам первый раз с ним работаю, поэтому ничего плохого о человеке сказать не могу.

Илья пожал руку худощавому остроносому мужчине в очках, все это время стоявшему рядом с Карпольцевым с абсолютно невозмутимым видом.

– Коротков, – представился медэксперт.

– А этот товарищ – дознаватель из пожарнадзора. – Карпольцев указал на еще одного мужчину, пока не принимавшего участия в разговоре.

– Максим Львович, – поздоровался с Луниным невысокий толстяк с бледным круглым лицом, – дознаватель. Я так понял, ваше руководство связалось с нашим, попросили работать вместе. Надеюсь, сможем вам чем-то помочь. Познакомьтесь с нашим экспертом.

– Иван Анатольевич, – последний из незнакомцев протянул руку Илье и тут же деловито осведомился: – Ну что, можно приступать к работе?

После того как все прибывшие, сгибаясь под тяжестью привезенного с собой оборудования, скрылись в темноте прямоугольного проема, Илья отправил участкового на обход соседних домов, а сам подошел к дремлющим в машине оперативникам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.